

Наташа Труш
Когда я стану бабочкой

Наташа Труш

Когда я стану бабочкой

«Издательские решения»

Труш Н.

Когда я стану бабочкой / Н. Труш — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832543-4

Он хотел стать писателем, а стал изобретателем велосипедов для людей с проблемами опорно-двигательного аппарата. Он жил одиноко в маленьком городке на севере Америки и видел во снах родной Ленинград, дорога в который была для него закрыта. Его одиночество разделял любимый кот. Неожиданно для себя он вдруг обрел и семью, и детей, и внуков. И даже вернулся в родной город... А бабочки? И бабочки в этой книжке тоже есть. И экзотические, цена которым — копейка, и незаметные серенькие — бесценные...

ISBN 978-5-44-832543-4

© Труш Н.
© Издательские решения

Когда я стану бабочкой

Наташа Труш

© Наташа Труш, 2018

ISBN 978-5-4483-2543-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

В круглых дырочках почтового ящика что-то белело. Настя Савельева хоть и опаздывала по делам, но в замочке ковырнула ключом, и поймала выскользнувший конверт. Вернее, два. Писем было два. Одно частное, адрес написан от руки – круглые, словно звенья цепочки, зацепленные одна за другую, буквы, незнакомый почерк.

Другое – явно казенное: слюдяное окошечко, а в нем набранный на компьютере Настин адрес. Вместо адреса отправителя просто штамп – «GPS-Nord-Bank».

Настя надорвала конверт, хотя и не вскрывая его, она уже знала, что там. Напоминание о растущей задолженности по кредиту. Точно. «Погасить немедленно!»

– А вот это видели?! – Настя сложила фигу и показала ее мусоропроводу.

– Это вы мне?

Настя подняла глаза и покраснела. Мужчина. Симпатичный. Глаза светлые, а волосы – темные. Ну, не черненький, но и не блондин! Волосы выющиеся, длинные, в хвост завязаны. Справа прядка выбилась упрямая, и как пружинка качалась у лица в такт шагам. Полы светлого длинного пальто почти до ступенек. Необычный мужчина. Наверное, сосед, хотя она его никогда не видела.

– Нет, это я не вам, простите. Это я вот... им, – Настя кивнула на письмо. – А вас я просто не заметила, вас тут только что не было...

Настя кинула оба письма в боковой карман своего портфеля. Пять ступенек вниз, тяжеленная дверь с кнопкой домофона, и вот она, Настина машина прямо у порога. Через минуту она уже и забыла, что руководство «GPS-Nord-Bank» прислало ей свой неласковый привет. Да и вообще, когда столько проблем, то одной меньше или больше – уже совсем не существенно.

Незнакомец вышел следом за Настей. Его длинная, как пароход, машина неизвестной марки, серебристая и блестящая, словно только что с конвейера автозавода, была припаркована на выезде с территории двора.

Незнакомец еще раз внимательно посмотрел на Настю, достал тонкие кожаные перчатки с дырочками и натянул их на руки.

«Пижон! – подумала про него Настя отпирая багажник своего изрядно потрепанного «Пежо», откуда достала нитяные в синих пупырышках перчатки и резиновый склиз для стекол. Она смотрела, как мутные ручейки стекают из-под резинки, а в стекле отражается незнакомец.

Мужчина аккуратно влез в свой пароход, и поплыл прочь.

А Настя закинула на заднее сиденье свой портфель, завела двигатель, включила музыку и закурила, что делала в минуты сильного раздражения.

Надо было как-то собрать мысли в кучку, потому как, за что ни возьми – все через... Ну, не так как надо. Банк этот чертов, только масла в огонь подлил.

Три дня назад какой-то сопляк из этого банка трижды позвонил ей, и дотошно выспрашивал, когда она сможет оплатить задолженность в текущем платежном периоде.

Настя сначала спокойно сказала ему, что на работе задерживают зарплату, и как только выплатят, так она сразу внесет платеж.

– А когда? – задал ей тупой вопрос бледный вьюнош. Настя его не видела, но по голосу представила такого светленького, сублильного, затянутого галстуком и застегнутого на все пуговицы. – Через сколько дней?

– Молодой человек, – устало сказала Настя. – Ну, как я могу это знать?! Как выплатят, так я сразу и расплачусь с долгом. Вы же понимаете – кри-зис на пороге.

Настя сказала это слово по слогам, чтоб понятней было. Хотя, что тут непонятного-то: кризис – он ведь и в Африке кризис, как не дели на слоги это слово.

Но представитель банка, как будто не понял. У них, видать, установка такая: душировать клиента до последнего вздоха.

– И все-таки, когда от вас можно ждать платеж?

– Я же вам сказала – как зарплату получу! Дня через три-четыре... может быть.

– А вы оплатите в филиале банка?... Или? – парень никак не унимался.

– «Или», молодой человек, – Настя начала потихоньку выходить из себя. – Мне удобнее «или»: у меня в супермаркете рядом с домом есть терминал.

– А вы в курсе, что при оплате через терминал деньги поступят на третий, а то и на пятый день, и у вас будут набегать проценты за просрочку платежа?

– Молодой человек, я в курсе! И про проценты, и про просрочку. Но я вам повторяю: у меня нет сейчас денег, и не будет ни сегодня, ни завтра. И я не могу выйти с топором на большую дорогу, чтобы они у меня появились! – Настя уже говорила с раздражением, а абонент в трубке ровно и размеренно. Может, автомат?! Да, нет, вроде, живое существо. Так что ж такое бестолковое-то???

Но самое смешное, что он позвонил Насте после этого еще дважды. Сообщил ей сумму платежа. И еще раз спросил, не может ли она пораньше все сделать.

– Нет! – рявкнула Настя и бросила трубку.

Потом открыла телефон, поискала в принятых звонках те, что поступили из Москвы, и запомнила последние цифры. «Будут звонить еще – не отвечу! Какого рожна отвечать, если не о чем говорить!» – подумала она.

А сегодня утром Настя услышала, как в ее мобильном звякнул колокольчик: так он оповещал хозяйку о том, что ей пришло смс-сообщение.

«GPS-Nord-Bank» предупреждал ее о том, что у нее осталось два дня до обещанного платежа, и если она не произведет оплату, то это будет расцениваться, как обман.

Настя расхохоталась в голос, и зло бросила в пустоту холодной квартиры:

– Обещанного три года ждут!

– Насть, ты что-то сказала? – Промычал из спальни ее болезный супруг Никита Волков.

– Это не тебе! Спи уж дальше...

А через три минуты еще и письмо это банковское. С уведомлением. Ну, не многовато будет для одного декабрьского утра?

Настя докурила, аккуратно выехала задом из своего «кармана» под окнами, и включила музыку погромче. В машине ей хорошо отдохалось и думалось. Но это было раньше. Когда можно было подумать о чем-то хорошем, например, об отпуске, или о новом платье. А сейчас думы были не очень веселые. Даже больше – совсем не веселые. Будь Настя одна, она бы так не переживала. Но дети... Сережка взрослый, все понимает, и то порой такие вопросы задает,

что ставит Настю в тупик. А Ваське малому попробуй объясни, почему не покупаем не только новую машинку и мороженое, но даже к завтраку нет сыра и колбаски, как он хочет.

А тут еще муж Никита Волков отчебучил такое, что никак в голове не укладывалось. Ушел в запой. И это абсолютно не пьющий мужик! Ну, или почти абсолютно не пьющий.

Сначала, два месяца назад, он ушел с работы. Не понравилось ему бодаться с начальником, решил показать ему, где раки зимуют, а в итоге сам остался без работы. И когда?! На зиму! Зимуй, рак, как хочешь! Кстати, он ведь и по гороскопу Рак! Упрямое поперечное животное!

В это время менять работу себе дороже – это каждый валенок знает! Да еще и накануне кризиса. О нем хоть еще и не трубили во весь голос, но холодком уже повеяло, да еще и как. Руками-ногами бы держаться в это время за работу, так нет, ее Волков взбрыкнул – написал заявление по собственному желанию.

А начальник только рад был! Не надо сокращать, не надо ничего выплачивать. Все равно в их компании готовились к этому процессу. Сокращать, конечно, никого не собирались. Собирались выдавливать. Ну, вот, на одного меньше теперь останется выдавить!

Причем, остальные как-то смогли удержаться, хоть и с другой зарплатой, меньшей, но все-таки при работе. А Волков, про которого еще совсем недавно говорили, что он самый креативный, самый талантливый дизайнер, остался без работы.

Сначала он хорохорился, Настю печальную по этому поводу подбадривал, орал:

– Прорвемся!

Работу начал искать тогда, когда этим уже бессмысленно было заниматься вообще. Нет, работы хватало, но не такой, какую хотелось Волкову. Он ведь не просто дизайнер, не просто кубики складывать научился, он – художник!

– Я – художник! – говорил о себе Никита с гордостью и воздевал указательный палец к небу.

Что правда, то правда: он действительно был художником, и то, что он придумывал в их студии, заказчики принимали на «ура!», и под большинством этих самых удачных проектов стояла его, Никиты Волкова подпись.

И он наивно полагал, что найдет работу не хуже. А оказалось – не найти никакой. То, что предлагали в службе занятости, он отметал сразу. Да и не верил, что не сможет найти что-то приличное.

– Да у меня друзей полгорода! – орал Волков. – Да они все мне должны-обязаны!...

Через пару недель, когда Никита понял, что ничего по сердцу ему не найти, а половина друзей оказалась в таком же плачевном положении, как и он сам, на него навалилась депрессия, которую он взялся лечить старым русским народным способом.

Сделав с утра пару звонков, Никита находил таких же страждущих, как и он сам, договаривался о встрече, и быстро исчезал из дома. Насте говорил, что «вроде, что-то наклеивается». И вечером являлся таким, что у Насти только и хватало сил спросить его:

– Ну, что, «наклевался»?!

Утром Никита винился, клялся детьми и божился родной мамой, что больше «ни-ни».

– Маму только не поминай, ладно?! – морщилась, как от головной боли, Настя. – Не буди лихо, куда тихо.

Клара Даниловна – Настина свекровь, – на зиму уехала жить к сестре в деревню под Псков. Пообещала приезжать на праздники, но Настя надеялась, что она поленилась ехать, и еще пожадничает – пожалеет денег на билеты до Питера.

Но у Клары Даниловны был нюх, и она в один из дней позвонила, и объявила, что приехала из деревни.

Дело было вечером. Никита только-только добрался до дивана после очередного «поиска работы», но вытянуться и вздремнуть он не успел. Мама пожаловала с разборками. Голос сынка по телефону ей не понравился, и уже через два часа она гремела в квартире Насти и Никиты, обвиняя во всех смертных грехах, что приключились «с ребенком», с ее ненаглядным «Никитосиком», «нерадивую Настю».

Настя, конечно, возразила, и достаточно резко, но Клара Даниловна осталась при своем мнении.

– Ну, какая ты жена? Какая?! Ты посмотри: у тебя муж голодным спать лег!

– Борщ в холодильнике, – устало сказала Настя, и ушла в ванную. Она пахала на двух работах, и ей было не до Клары Даниловны с ее замечаниями.

Когда она вышла из ванной, Клара Даниловна гремела кастрюльками на кухне, а на столе лежала замороженная курица.

– Что вы делать собираетесь? – спросила Настя, подозрительно осмотрев стол и плиту.

– Буду варить бульончик Ники. Ему сейчас нужен куриный бульон!

– Ему сейчас нужен отцовский ремень, которого он недополучил в детстве, – ответила Настя, и спрятала курицу в морозилку. – Клара Даниловна, я очень устала, и не хочу сейчас ни в чем разбираться. Скажу только одно: Никита обнаглел. Я постелила вам в большой комнате, ложитесь спать. А завтра утром, когда он будет в состоянии разговаривать – поговорим.

Свекровка еще часик посидела на кухне, вздыхая горестно и громко, явно ожидая, что кто-то составит ей компанию, но так никого и не дождалась, ушла спать.

А утром Настя не дала разгуляться ни ей, ни муженьку.

– Значит, так, дорогие мои родственники! – Настя была настроена воинственно. – Уговаривать и упрашивать никого не буду, нянчиться мне тоже некогда. Я теперь у нас кормилец всея семьи. Поэтому предупреждаю: или ты, Никита Михайлович, берешься за ум и завязываешь с этими своими творческими закидонами, или я покажу тебе, где бог, а где порог. А вы, Клара Даниловна, прекращаете изображать из себя мать Терезу, и уезжаете к себе в квартиру. А еще лучше – к сестре в деревню. Потому что делать из мужика ребеночка я вам вот тут вот, на глазах у детей, не дам! Или он мужик, у которого хватит сил справиться с проблемами, или пусть выбирает, что ему дороже.

Клара Даниловна хлопнула себя по упитанным бокам, и открыла рот, чтобы заняться воспитательной деятельностью, но Настя, победно хлопнув дверью, покинула поле боя.

Еще через час в прихожей зашуршало и закрипело. Настя вышла из спальни и увидела, что Никита помогает матери одеваться. Видать, уговорил. Ну, и хорошо! Ну, и славно! Настя умела побеждать Клару Даниловну на своей территории. А без нее как-нибудь и с мужем справится.

Выпроводив маман, Никита позвал Настю пить чай. Она не стала фыркать, пришла на кухню, бутербродов настрогала, достала печенье и конфеты.

– Ник, я не буду терпеть пьянства. Я тебя предупредила.

– Настюш, ну, ты должна войти в положение.

– Не буду. В такое положение я входить не буду. Мама пусть в твоё положение входит, если считает, что в данной ситуации нужно на цырлах перед тобой скакать. Куда она поехала?

– Пока домой. Но я уговорил ее вернуться к тете Эльзе.

– Вот и славно! Вот и правильно! А то она вчера ночью кинулась бульончик тебе варить, как будто я не кормлю тебя.

– Ну, все-все, не расходишь! Я же понимаю твоё возмущение. И, Насть, слышишь? Я больше не буду, – как в детском саду сказал Никита.

– Ну, не будешь – и хорошо. А работу ищи.

И Никита снова начал ее «искать», а поскольку поиски работы были напрямую связаны с разными переговорами, причем, не с работодателями, а с друзьями, которые выступали в роли советчиков, то каждый вечер он приезжал домой если не на бровях, то в хорошем настроении, и долго расписывал Насте все прелести будущей работы.

А между тем денежный запас семьи, который Никитос усиленно тратил по своему усмотрению, стремительно таял, поскольку Волков не просто выпивал, а выпивал красиво, с угощением, и при хорошей компании. Кое-что Настя успела предусмотрительно конфисковать, но основную массу сбережений, хранимых дома в чулке, глава семьи быстренько спустил в нужном направлении. И в один прекрасный день потребовал у Насти «вспоможения». Именно так и сказал:

– Насть, мне требуется вспоможение!

Настя слегка опешила от мужниной наглости и его высокого «штиля», и задала ему типичный в таких случаях классический вопрос – не предоставить ли ему ключи от квартиры, где деньги лежат?

Никита понял, что вспоможения не будет, погрузился, лег на диван и пролежал весь день без движения, с перерывом на обед и ужин. Перед ужином он, потирая голову, сообщил жене, что у него депрессия.

– По завидному твоему аппетиту этого не скажешь, – парировала Настя, слегка задев ранимого супруга.

На следующий день, когда Настя вернулась утром из магазина, она обнаружила в доме легкий раскардаш, произведенный на скорую руку. Судя по тому, что раскардаш наблюдался в шкафу с постельным бельем, на книжных полках и в кухонных банках с крупами и макаронами, Настя сделала вывод: супруг искал записку. И не свою! А ее.

К счастью, женская интуиция давно подсказала ей, что всю наличность нужно хранить при себе. И хоть говорят, что яйца в одной корзине держать не стоит, тут был иной случай. Бдительная Настя заметила, что супруг как-то очень внимательно пасет ее сумку-портфель. Обычно кошелек всегда был небрежно брошен в боковой карман, и при желании добраться до него было проще простого, поэтому, дождавшись, когда Никита отправится в туалет, Настя быстро выгребла из кошелька все более-менее приличные купюры и спрятала их на груди.

Она поймала себя на мысли: «Как стремительно я все это провернула!» Да, даже начинающие алкоголики быстро приучают своих домашних мыслить по-другому. Еще месяц назад ей и в голову бы не пришло прятать деньги, а тут она даже соображала медленнее, чем действовала. Сначала делала, потом понимала, что исполненное было единственно верным решением.

А между тем на работе у Насти потихоньку произошла полная остановка всей деятельности. Она работала в экспериментальной лаборатории по разведению ценных промысловых рыб, созданной когда-то при крупном НИИ, деятельность которого мало связана была с озераведением, ихтиологией и прочими премудрыми водно-рыбными науками. Просто, когда в 90-е годы начался передел собственности, это предприятие военно-промышленного комплекса, носившее название номерного «почтового ящика», неожиданно попало в руки людей, которые купили его, что называется, до кучи. Несколько корпусов предприятия за высоким серым забором были оборудованы огромными бассейнами и системами для подачи в них воды и ее подогрева. Что тут производили и испытывали в СССР, не знал никто.

Когда все это хозяйство перешло в руки предприимчивых мужиков, наладивших выпуск кастрюль и мясорубок для изголодавшейся от дефицита страны, они серьезно задумались над тем, к чему приспособить огромные емкости. Ну, в одном павильоне соорудили бассейн с гор-

ками и фонтанчиками, в котором развлекались сами и разрешали сгонять жирок на водных дорожках рядовым сотрудникам бывшего «ящика». А остальные куда??? Идея сделать целый большой спорткомплекс с бассейнами не нашла поддержки у руководства, так как до этого комплекса добраться не близко, а пустующий он бы одни убытки приносил.

Покумекали и решили переоборудовать бассейны под рыбную «ферму». И не просто запускать мальков и выращивать, а заниматься наукой, чтоб вырастить царь-рыбу.

Ну, «наука» – это громко сказано. Настя хоть и с дипломом биофака была, но совсем не «рыбьей» специализации. Она с детства в кружке юных натуралистов, а потом и в университете занималась экзотическими бабочками. И таких, как она, в лаборатории было не мало. Но для Павла Константиновича Свидерского, который тогда носил красный пиджак и руководил бывшим «ящиком», большой разницы между рыбами и насекомыми не было. У него была своя сверхзадача – добиться гигантского «живого веса» у карпа, форели и рыбки с не очень-то благозвучным именем пелядь – Свидерский по незнанию, а может – специально, развлекали ради, даже с трибуны произносил его с ударением на втором слоге, отчего слово приобретало похабный смысл.

Насте повезло с заведующим лабораторией – Иваном Ивановичем Стариковым. Он разведением рыб занимался всю жизнь, все про них знал, и спуску никому не давал в той части, что касалась обеспечения лаборатории всем необходимым. Это, благодаря ему, было закуплено все самое современное оборудование, велись наблюдения за обитателями бассейнов и садков так, что результат не заставил себя долго ждать.

А Насте достался самый красивый участок работы, который Стариков развивал не по приказу свыше, а от большой любви к искусству.

Японские карпы кои были собственностью профессора Старикова, и часть его коллекции переселилась в лабораторию. На рубеже двадцатого и двадцать первого века народ зажил хорошо, появились домовладельцы, которые устраивали на приусадебных участках пруды и заселяли их карпами кои. Они были безумно красивы эти яркие, похожие на тропических бабочек, рыбки. И покупали их не меньше, чем форель и осетра. Так что в совсем недавние времена сотрудники лаборатории зарабатывали очень не плохо.

Правда, у Насти деньги всегда утекали сквозь пальцы. И даже тот факт, что год назад их стали переводить на банковскую карточку, не очень способствовал накоплению. Как правило, Настя снимала практически всю сумму. Словом, к ноябрю, когда на работе стали задерживать зарплату, Настя задергалась. И не напрасно.

Все произошло чуть ли не в один день: Волков остался без работы, а Настя хоть и при работе, но без зарплаты, правда, с туманными обещаниями директора выдать деньги при первой возможности.

Когда эта первая возможность наступила, Настя уже по самые уши влезла в долги – набрала банковских кредитных карточек, которые чуть не силой вручали всем гражданам. Да и что было делать, если в доме пустой холодильник, муж, лежащий бревном на диване и дети, которые с трудом понимают, что в мире бушует кризис?

Неделю назад муж посмотрел утром на Настю странным, как у измученного тяжелой работой вола, взглядом. Что-то нехорошее у нее шевельнулось в душе в тот момент, да тут же это нехорошее накрыло волной дикой жалости к ее самому большому ребенку.

– Никит, ты сегодня хотя бы позвони в службу занятости, – попросила его Настя.

– Позвоню, – мыкнул Никитос, и снова долгим туманным взглядом проводил Настю, сновавшую по квартире, собирая в детский сад сонного Ваську.

А вечером Никита не явился домой. Его мобильный телефон валялся на тумбочке в прихожей, и куда звонить, и где искать его – Настя не представляла. Она лишь приблизительно

догадывалась, с кем из друзей он мог встретиться, но ни телефонов, ни адресов – не знала. Настя отправилась в милицию, благо отделение находилось в двух шагах от дома.

– Де-е-е-е-вухка! Да не суетитесь вы! – лениво сказал ей дежурный в отделении, узнав, что Волков отсутствует дома всего только день и ночь. – Во-первых, заявление у вас примут только по истечению трех суток отсутствия присутствия вашего мужа.

Тут дежурный слегка запутался в хитросплетении казенных канцелярских слов, покраснел. Налил стакан воды и чохом выпил его.

«Видать, тоже страдает похмельем», – мельком подумала Настя.

– А, во-вторых, вспомните меня: еще пара дней, и сам явится ваш Никита Михайлович. Он у вас как к зеленому змию относится? Уважает?

– С некоторых пор, как без работы остался, – уважает...

– Ну, вот! Он его просто где-то сильно уважает. Не переживайте вы так-то. Сами поймите: мается мужик без работы. Для него ж это болезненно очень – не у дел остаться. Тут, знаете ли, с пониманием надо, с подходом, потоньше...

«Потоньше вам, с подходом..., – беззлобно думала Настя обо всех мужиках измученной алкоголем и похмельем Вселенной. – Сволочи вы. Все, как один, – сволочи!»

Мент этот, как в воду смотрел: через три дня Никита объявился. Его привезли друзья. Когда Настя открыла двери на поздний звонок, взору ее предстала жуткая троица абсолютно невменяемых мужиков. Один, более трезвый, – кажется, это его звали Федей, и Настя видела его уже однажды с Никитой, – заикаясь, сказал:

– Вот. Как говорится, доставили на тройке.

Никитос, привалившись к стене, и не открывая глаз, проявил завидную эрудицию, которой очень гордилась мама его, Клара Даниловна:

– Это у японцев называется «доставить на тройке», только там две женщины-проститутки приводят домой мужчину, и сдают его с рук на руки жене, которая должна всех принять, как дорогих гостей. Вот. Это не я придумал. Это «Ветка сакуры». Кажется...

Тут знаток громко икнул.

Измученная, много выдавшая на своем веку, Настя открыла пошире двери, и троица въехала в дом.

Из кухни вышел старший Настин сын Сережа с бутербродом в руке, с удивлением оглядел компанию:

– Это дядя Ник? И где он так надрался?

– Сергей, слова выбирай! – одернула его Настя, в глубине души соглашаясь с ребенком.

– Парень, слышь! – тихонько окликнул Сергея Федя. – Ты это... Мать слушай! Мать дело говорит. Батя ваш малость... того...

На шум выполз из спальни сонный Васька. Увидел толпу незнакомых мужиков и в драбодан пьяного папаню и взвыл, как сирена пожарной машины.

Пока Настя успокаивала Ваську, компания разместилась с удобствами в кухне. Из холодильника извлекли остатки сыра и колбасы, банку квашеной капусты, а из портфеля одного из гостей бутылку водки. Настя хотела, было, отобрать бутылку, но мужики укоризненно на нее посмотрели, а Федя почти трезво сказал:

– Ну, что вы, барышня, это ведь уже не пьянства для. Это уже лекарство.

Настя махнула рукой и ушла в комнату.

Гости отползли глубокой ночью. Удивительно, что они не остались ночевать. А Настя, которую все это достало до печенки, была готова к решительному разговору.

Но утром Никитос предстал перед ней в таком разобранном виде, что говорить с ним о чем-то было бесполезно. Настя слышала, как он всю ночь стонал и ворочался, пытался встать, и снова заваливался на диван. Под утро практически на четвереньках Никитос сползал в туалет, а когда вернулся, не стал ложиться на диван, а устроился на коврик.

Отца семейства Волковых трясло крупной дрожью, на лбу у него выступила испарина, а глаза открыть до конца он не мог – смотрел на белый свет сквозь узенькие щелочки.

– Очнулся? – спросила его Настя.

Никита хрюкнул в ответ что-то нечленораздельное, дрыгнулся, словно судорога пробежала.

Настя, хоть и видела все эти мучения пьяного организма, высказала дражайшему супругу все, что о нем думает, и пригрозила: если это не кончится, то она отправит его к маме.

– Не надо к маме, – щелкнув зубами, попросил ее супруг. – Настя, мне плохо. Помогите!

– Как?! Пьешь ты, а не я!

– Насть, мне выпить нужно...

– Дожили! Опохмеляться взялся! Ты что делал эти три дня?!

– Пил.

– Без остановки?

– Без. Насть, мне выпить надо. Я умру сейчас!

– Извини, не запасла!

– Насть, ну, сходи, а?!

– Дожили! Нет, Волков, не ходила и не пойду.

– Насть, я умру!

– Умри! Хоронить дорого, зато на раз!

Настя прервала бессмысленный разговор и ушла на кухню греметь кастрюлями.

– Насть! – Никита возник в дверном проеме, напугав своим жутким видом жену. – Надо что-то делать, я, кажется, заболел.

– Не сегодня заболел. Ладно, надо лечить.

– Правда? – встrepенулся Волков. – В магазинчик сходишь?

– Нет! Доктора приглашу!

– Настюш, не надо доктора, а? Я может сам, как-нибудь, а?

– «Сам» не получится, – Настя уже листала старую газету объявлений, которая на всякий случай всегда лежала в ящике кухонного стола. Потом подвинула к себе телефон и принялась названивать.

Никитос, как побитый пес, сидел на краешке кухонного дивана, и дрожал. Настя смотрела на его кожу, покрытую пупырышками, растрепанные волосы, трясущиеся руки. «Вроде, еще вчера был нормальный мужик, красивый и сильный. А сегодня слизняк какой-то серого цвета. И воняет, как...»

– Насть, а если я согласия не давал, тогда как? Это ведь дело-то добровольное! – Никита икнул, вздрогнув всем телом.

– Ну, ежели не давал, то собирайся немедленно, и к чертовой бабушке. К тете Эльзе и к маме, в деревню, – пусть они на тебя любят. А мне и так тяжело, еле везу весь этот воз, а тут еще ты... Так что? Ты до сих пор не даешь согласия? – Настя была настроена решительно, и уступать не собиралась. Доуступалась уже, хватит!

– Даю, – Волков тяжело вздохнул, и подвинул к себе стакан с водой.

Через пять минут Настя уже диктовала адрес и рассказывала подробности мужниного запоя – сколько дней и ночей, сколько литров, и когда была выпита последняя капля алкоголя. Наконец, она положила трубку.

– Ну, и что сказали? – Никита изобразил искренний интерес к вопросу.

– Сказали, что ближе к вечеру приедут, и чтоб ты это время провел в трезвости. Так что, вот тебе чайник воды, чай, лимон. Пей, и приходи в себя.

Настя ушла в комнату, где достала из заначки деньги. Ну, вот, и так всего-ничего осталось, а тут вынь да отдай три с половиной тысячи за здорово живешь.

– Насть, а ты знаешь, сколько это стоит? – проорал из кухни Волков. – Это ж дорого стоит, Настенька!

– Да не дороже того, что ты успел за это время пропить, – сказала негромко Настя.

...Уколов Волков боялся с детства. И когда врач – молодой парень, начал приспособливать ему в вену иглу для капельницы, он закрыл глаза и застонал.

– Э-э, мужчина, вы только в обморок не падайте, ладно? У нас такие клиенты странные. Когда бухают, передерутся так, что только штопать успевай – им все по барабану. А как про-трезвеют, так в обморок от укола. Ну, все, процесс пошел.

Настя предложила доктору и его помощнику чай-кофе, собрала на стол нехитрое угощение. Про себя отметила, что так убого на столе с гостями бывало у нее только в 90-е годы. Впрочем, и гостей таких у нее никогда не было. Раньше бы со стыда умерла, если б пришлось мужика из запоя выводить. Таким позором это было. А сейчас почти в порядке вещей. Что ни дом, то клиент медиков-спасателей, а то и кандидат в Кащенко. Раньше про белую горячку только в «Кавказской пленнице» и слышали. Сейчас, «белка» стала рядовым случаем.

– Мужики тяжелее, чем женщины переносят стресс. А как снять? А проверенным способом! Ваш-то, похоже, новичок в этом деле. Раньше не дрейфовал по трое суток?

– Нет, раньше, как все, изредка с друзьями. Ну, по великим праздникам мог и побольше. Но утром болел, пил крепкий чай, и клялся-божился, что больше ни-ни! А тут просто с цепи сорвался!

Медики дождались, когда прокапает лекарство в никитосову вену, всадили ему еще какой-то укол в бледное до синевы заднее место, покрывшееся от страха пупырышками, измерили давление, подбодрили, мол, «не бойсь: не ты первый, не ты и последний, и, может, свидимся еще», а Насте оставили визитку: «ежели что, то звоните...»

Настя с жалостью посмотрела на умирающего супруга. Но жалость эта была уже не такой, с какою она иногда относилась к нему, больному гриппом, например. Эта жалость была пограничная, и за ней уже просматривалось презрение. Никита-то этого ничего не увидел, так как плох был, и пребывал в полудреме от влитого в него лекарства для глубокого сна. Настя сама поймала себя на мысли, что это уже даже не раздражение, а кое-что похуже.

Ночь ее благоверный супруг проспал сном беспокойным – то руки вскидывал, и отмахивался от кого-то невидимого, то что-то нечленораздельное бормотал, – но при этом сон его был крепким – хоть из пушки стреляй! А утром все-таки услышал, как Настя в адрес банка ругнулась. «Что там, Настенька?», – простонал слабо, но тут же на другой бок перевернулся, и снова захрапел.

Настя вздохнула, глядя на мужью тушку, теща себя надеждой на то, что современная медицина способна развалить крепкую дружбу болезного пациента с зеленым змием до того момента, пока он еще не развалил окончательно печень дизайнера Волкова.

Настя вырулила на шоссе, заняла крайний правый ряд и тихонько потрусила в сторону своего института. В голове у нее была только одна мысль: где достать денег? Подсчитать свои долги у нее даже сил не хватало. Предварительные прикидки уже пугали. За квартиру не платили три месяца – это семь с половиной тысяч. За телефон и Интернет – тысячи полторы. За Васькин садик – тысяча. Свет и газ можно пока не оплачивать – не отключат. И ЖКХ потерпит. У всех сейчас ЖКХ – Живи, Как Хочешь! Слава Богу, вода в квартире есть! Правда, говорят, что придумали жилищники какую-то хитрость. Называется «таракан». Запускают этого железного «насекомого» по трубе, он доползает до нужной квартиры и там расшиперивается в трубе! И хана! Ни попить, ни пописать! Но Настя надеялась, что в их ТСЖ пока такого зверя не завели, стало быть, пока можно и с квартплатой потянуть.

«Теперь, что у меня с банком. Общий долг пятьдесят две тысячи, но нужно хотя бы внести минимальный платеж, а вместе со штрафом это уже почти семь тысяч. А где их взять?!?!»

Получалось, что Насте до зарезу нужно было тысяч двадцать. А у нее в кошельке было всего две.

– А еще Филимона надо кастрировать срочно! – вслух подумала Настя. – Поскольку эта сволочь полосатая уже начала пристраиваться к ботинкам и венику. Метит, засранец, территорию! Филимон мне обойдется рублей в девятьсот. Нет, не потяну Филимона! Пусть пока метит! Ритулька вернется из своей командировки – с ней покумекаем, как его без особых затрат кастрировать. И без всякого наркоза! Кризис! На наркозе сэкономим.

Настя устыдилась своих мыслей вслух. Тех, что Филимона касались. Скотина-то ни в чем не виновата, что экономическая нестабильность, что Никитос запил, что Насте из двух работ платят только на той, где она за копейки на швабре по цехам полумертвого предприятия катается – уборщицей подрабатывает. Да и Ритулька тут вряд ли поможет. Подруга у Насти хоть и смышленная, но это явно не тот случай. «Тот» был тогда, когда у Настиной мамы Веры Андреевны ее любимая спаниэлька Руша приволокла нежданно-негаданно приплод из шести щенков. Кто был отцом очаровательных созданий, Вера Андреевна не могла даже предположить. Маменька Настина стояла в очереди за глазированными сырками, а Рушка была привязана к ограждению газона, и кому она там наспех отдалась и с кем честь свою девичью собачью потеряла – большой вопрос. Утопить в ведре игрушечных, только живых, собачат, Настина мама не могла. А надеяться на то, что их можно будет хотя бы раздарить – маловероятно. Ни родословной, ни уверенности в том, что они не вырастут ростом с овчарку. Рушка, правда, была крохотная, поэтому вряд ли в отцах мог оказаться дог или кавказец. Но все-таки.

– Девочки, я знаю! Видели во дворе у нас пасется такой замызганный, кудлатый, цвета беж большой болонк?

– Почему «болонк», мама? Это болонка!

– Это мужик! – возразила Вера Андреевна. – Так вот, именно он больше всего и крутился вокруг нас. И в щеночках его масть усматривается. Видите, на белом – бежевенькое?!

– Ну, если он отец, то куда ни шло! Скажешь тем, кто щенков будет брать, что они породистые, папа – тоже спаниэль, только без родословной. Вот хорошо бы им еще хвосты купировать! Тогда совсем были бы похожи на породистых... – Настя задумчиво посмотрела на щенков. – Но это дорого. Шесть хвостов... Нет, не потянем!

На дворе тогда тоже стоял кризис (что это они зачастили-то???), и каждая копейка у мамы-пенсионерки была на учете. И у самой Насти – тоже.

И тут Ритулька открыла рот и всех удивила:

– А давайте сами!

– Что сами? – в один голос спросили у нее Настя и ее мама.

– Сами купируем! Делов-то: отсчитываешь два позвонка на хвосте от попы, отрезаешь хвост, йодом мажешь – все готово!

– А обезболить?

– Ну, знаете ли, Вера Андреевна, не до обезболивания тут – кризис на дворе! Да им, по моему, и так ни фига не обезболивают, там же еще не косточки, а хрящики.

– Косточки или хрящики – мне все едино. Резать некому!

И тут Ритуля снова всех удивила:

– Я отрежу!

– Ты??? – снова в голос спросили у нее Настя с мамой.

– Ну, да, я. А что такого-то? Я, конечно, не ветеринар, но не думаю, что в этом вопросе есть какие-то премудрости.

В общем, делать было нечего, а щенкам надо было придать товарный вид, а то Вера Андреевна еще рисковала остаться матерью-одиночкой с выводком малолетних четвероногих детей на руках, и умереть голодной смертью.

Операцию решили провести немедленно. Вера Андреевна отказалась присутствовать при самом процессе. Но поинтересовалась робко у Ритки:

– Ты рюмочку для храбрости примешь?

– Хорошее предложение – приму!

Вера Андреевна выволокла из кухонного стола запывлившуюся бутылку с жидкостью цвета бледного чая и плавающими на дне ее сморщившимися апельсиновыми шкурками.

– Вот! Это самогонка, но очень хорошая. Ну-ка, девки, понюхайте – не выветрилась?

Настя и Ритка по очереди понюхали содержимое бутылки. Ритка отшатнулась, до того угарно тянуло из горлышка, а Настя плеснула в чашку:

– На, Ритка, пробуй!

Маргарита зажала пальцами нос, выдохнула и на выдохе влила в себя напиток, и тут же зажмурила глаза и открыла широко рот. Настя и ее мама замахали ладошками, нагнетая воздух. Наконец, барышня передохнула, и открыла глаза, из которых полились слезы.

– Теть Вер, эт какая ключница делала вам настоечку, а? – прохрипела Маргарита. – Насть, ты не представляешь – чистая отравка.

– Но чувствуешь-то, чувствуешь-то себя как? – Вера Андреевна поспешно покровсала туповатым ножом хлеб, отрезала кусок колбасы и выудила из банки тощенький пупырчатый огурчик. – На, закусывай скорее.

Через минуту Ритка порозовела, заулыбалась:

– Хороший напиток, Вера Андреевна, только больше не надо, а то руки будет не поднять, а мне еще оперировать.

Ритка быстренько съела бутерброд, и принялась командовать:

– Настя, ты мне тут будешь помогать, а вы, Вера Андреевна, будете щенков приносить и принимать после операции.

Настина мама всплакнула по поводу предстоящей ей миссии, но делать нечего – отступить некуда.

На кухонном столе приготовили все, что нужно было для операции: разделочную досочку накрыли чистым полотенцем, в блюдечко плеснули немножко йода, в другое – самогонки, одно для хвостов, другое – для стерилизации ножниц. Рита немного поломала голову, чем лучше рубать хвосты, и решила, что все-таки ножницы сподручней: чик – и все готово. А тупым ножом – кто его знает, как оно будет пилиться...

К первому малышу, которого ей принесла Вера Андреевна, Рита долго присматривалась, трогала хвостик. Прощупывала, где там кончается один позвонок и начинается другой. Вера Андреевна шустро скрылась за дверью своей комнаты. А Настя отвернулась к окну и закрыла руками уши.

Но щенок только пискнул тихонько, когда Рита решительно стриганула по хвосту острыми ножницами, продезинфицированными самогонкой. Потыкав малыша обрубком в блюдечко с йодом, она весело сказала:

– Есть один! Несите другого!

Настя обернулась и увидела целого и невредимого слепого щенка, с обрубком хвоста, испачканным йодом, и огрызок хвостика на полу.

– Ой, все?!?! Мама-мама! Готов! – она завопила радостно, схватила щенка и понеслась с ним в спальню.

– Второго несите! – повторила осмелевшая Ритка, и тут же в руки ей упал второй черно-белый с бежевым комочек, который завозился, тихонько поскуливая, будто чуял, что ему предстоит испытать.

Вот так ловко Ритуля отсобачила щенкам хвостики, и на радостях потребовала еще рюмку самогонки, только разбавленной соком.

Довольная и счастливая Настина мама выбралась из своего укрытия, сообщила, что щенки не пищат, спят, а Рушка зализывает им раны.

Ритусе налили еще рюмочку, и она в ожидании обеда, разглагольствовала не очень трезво, чувствуя всеобщее внимание и восторг по поводу совершенного ею доброго дела.

– Нет, Насть, ну, скажи мне, как биолог не биологу, ну, на фига собакам этот рудиментарный отросток – хвост?! Или, погоди, разве у собак он рудиментарный? Погоди! Я забыла. А-а, это у нас хвост – отросток рудиментарный, а у них он все-таки вещь организму нужная! Ну, там, радуются когда, так вилять же чем-то надо! Наши будут вилять тем, что осталось!

– Руки мой, отросток рудиментарный! – передразнила подругу Настя.

Ритка вылезла из-за стола, подошла к мойке и включила горячую воду. И вдруг...

Она издала какой-то писк, как придавленная в мышеловке полевка, и начала заваливаться вдоль стенки. Если бы Настя не удержала ее, то шишку об угол стиральной машинки она бы набила непременно.

Ритке побрызгали в лицо холодной водой. Она открыла глаза, и села у стены.

– Ритусь! Что с тобой? Сердце? Врача? – Настя с мамой бегали вокруг сидящей на полу Ритки и вопили на весь дом.

– Не, врача не надо, – простонала Ритка. – Сейчас пройдет. Замутило меня...

– Это самогонка! – со слезами в голосе воскликнула Вера Андреевна. – Испортилась! Я так и знала. Она сто лет у меня стоит. Испортилась!

Не понятно было, что больше расстроило Веру Андреевну: то, что Ритка в обморок хлопнулась, или то, что самогонка испортилась.

– Не, тетя Вер! Самогонка у вас что надо – глаза из орбит вылезают. Это не от нее.

– А от чего??? – в один голос – вот что значит мать и дочь, как одно целое! – воскликнули Настя и Вера Андреевна.

– Вы ж хвостики-то не выкинули... – простонала Ритка.

Хвостики – все шесть: черненькие, аккуратные, как червячки – лежали на разделочной доске у мойки. Смелая Ритуська легко обрезала их щенкам, а увидела плоды своего труда, и рухнула в обморок. Барышня тонкая и чувствительная, что с нее взять!

Вот такая история. Нет, кастрировать котика – это не хвосты беспомощным собачатам резать между хрящиков. Филимон ведь не дурак: он Ритку с ножницами к себе на пушечный выстрел не подпустит. «Стало быть, пусть живет полноценным до лучших времен», – решила Настя.

Вместе с историей про купирование хвостов у Рушкиных детей, Настя вспомнила то самое время. Тогда все происходящее, кажется, кризисом не называли. Или Настя уже запятовала. Но то, что было лихо – это она помнила хорошо.

Она тогда была замужем за Антоном Сибирцевым, и Сережке – их сыну, было лет шесть, как сегодня Ваське Волкову. Настя же была всегда Савельева, хоть и дважды замуж выходила. Савельевым был у нее папа, Аркадий Казимирович, известный ученый, биолог. Настя была его единственным ребенком. И папа частенько говорил, что, вот, вырастет Наська, замуж выйдет, фамилию поменяет, и пропадут Савельевы, как род на земле.

Настина мама при этом смеялась:

– Вы Аркадий Казимирович, так сокрушаетесь, будто фамилия ваша редкая-прередкая!

– Нет, Веруся. Не редкая, но она – наша! Моя и моего отца. А мы, между прочим, в мире биологии люди известные. Вот, говорил я тебе, Верочка, надо было б мальчика родить еще, продолжателя, так сказать, рода... А ты ни в какую! Мальчика б... – Аркадий Казимирович замолчал на полуслове, хотел сказать что-то, да не решился, и закончил разговор про девочек-мальчиков в роду Савельевых.

Так случилось, что папа умер ровно в тот день, когда Настя выходила замуж за Антона Сибирцева. Умер скоропостижно, от сердечного приступа, собираясь во Дворец на бракосочетание единственной и любимой дочери. И свадьба не состоялась. Они с Антоном потом, конечно, зарегистрировались, но фамилию свою Настя менять не стала.

Антон был замечательным отцом и мужем. И человеком. Но был он таким не практичным и не приспособленным в жизни, что Настя просто за голову хваталась. И руки у него росли, естественно, совсем не из того места, из которого по логике вещей должны бы были расти. Поэтому, когда грянули друг за другом дефолт под ручку с денежной реформой в конце девяностых, Настя хлебнула с ним горького до слез.

Антон был личностью творческой, тонкой до безобразия. Он был историком. Ну, и классно, казалось бы: копай себе курганы, или детишкам в школе ври про справедливость Октябрьского переворота в России. Так нет же! Антон еще студентом усомнился в том, в чем не сомневается ни один школьник: было ли на самом деле татаро-монгольское иго?! Вот так вот! Не больше и не меньше. И не один он носился с этой теорией, выискивая доказательства того, что все это вымысел, а историческая правда такова: не было! Все враки!

Тема эта Насте казалась какой-то левой, а все исследования – лишены смысла. И казалось ей, что наиграется ее любимый в эту игрушку и успокоится. Но время шло, а Антон все больше погружался в свои изыскания, зарывался в библиотеке в книжки, привозил домой потрепанные фолианты, и, читая их, терял ориентацию во времени и в пространстве. Достучаться до него в такие моменты было невозможно. Но самое страшное началось тогда, когда на кафедре у Антона стали задерживать зарплату.

В силу своей отрешенности от мира сего, Антон Сибирцев не очень понимал, откуда в холодильнике появляются продукты. Скорее всего, он думал, что этот аппарат волшебным образом наполняется сам по себе колбасой, сардельками, сыром и яблоками. Кормить Антона и так-то было проблематично. Он практически никогда не видел в холодильнике кастрюлю с супом, хоть она была большая и с цветочками, и кормился в отсутствие Насти тем, что лежало с краю. Причем, то, что «с краю», он мог есть просто, стоя у открытого холодильника. И при этом думал он явно не о колбасе, а о чем-то своем, высоком, другим не доступном. А поскольку обладал он здоровым организмом, а думал серьезно и глубоко, то съесть в один заход батончик колбасы было для него плевым делом. Борьба с этим было бесполезно.

И вот наступили времена, когда холодильник стал Антона удивлять своей пустотой. Белый холодный шкаф, хранивший еще недавно ветчину и сыр, теперь таращился на любопытных домочадцев мелкими куриными яйцами, съесть которые без приготовления было не реально. Антон до прихода Насти щипал хлеб и иногда уничтожал целый каравай незаметно для себя.

А Настя не давила на своего ученого мужа, понимая, что голод – не тетка, и наступит день, когда он сам, наконец, заметит, что бюджет семьи трещит по швам.

И это произошло. Настя пришла домой позже обычного – отвозила в пятницу Сережку к бабушке на два выходных. Муж встретил ее у порога. Уже это было необычно. Обычно Антон сидел за своим столом, на котором громоздились пирамиды книг и журналов.

– Настя?!

– Я. Не узнаешь?

– Узнаю. У нас что, проблемы с деньгами?

– Заметил?

– Заметил... Надо что-то делать...

– Для начала позвони Туркину. Ты тут сидишь дома. А там, может, зарплату дают...

Гена Туркин, друг Антона, с теми же татаро-монгольскими журавлями в голове, но более приземленный, благодаря суровой супруге Галине, которая совсем не разделяла научных страстей своего благоверного. Он давно уже устроился на вторую работу, и благополучно писал кандидатскую по ночам, охраняя смешную контору под названием «Фонд защитников ушастых тюленей». Днем в конторе собирались какие-то сумасшедшие товарищи, которые орали до хрипоты по телефонам, готовили митинги в защиту ластиногих с ушами, выбивали разрешение на мирную демонстрацию по Невскому проспекту и у Смольного. И так каждый день. Как будто ушастые тюлени составляли более половины населения Санкт-Петербурга, и проблема их защиты была наиважнейшим социальным проектом.

Слушая, как защитники кроют матом власть, не понимающую важности того, что они делают, Гена Туркин умирал от хохота. Потом вспомнил свою татаро-монгольскую шизу,

и язык прикусил. И пописывая по ночам свой труд, Туркин все больше и больше сомневался по-ленински, той ли дорогой он идет. Как-то вся эта татаро-монгольская галиматя очень смахивала на защиту ушастых тюленей.

Однако, смех смехом, а Фонд защитников ушастых тюленей давал Туркину реальную зарплату, в то время как жизнь на его родной кафедре едва теплилась, и это не предвещало ничего хорошего.

– Генаша, привет!

– Привет! – Туркин радостно хрюкнул в трубку, узнав голос Антона. – Зарплата? Брат, не смехи меня! И ищи работу.

Работа нашлась совершенно случайно. О том, что рыбколхоз «Шепиловский» разводил карпов и продавал их всем желающим, Настя знала – по работе приходилось общаться с сотрудниками рыбного хозяйства.

– Смотри, Антон! Еда – вот то, что нужно человеку во все времена, хоть кризис на дворе, хоть нет его, кушать хочется всем! А тут такая изюминка – живая рыба!

– А откуда она живая-то будет? Ты что, в аквариуме ее держать собираешься? – Антон далек был от мира природы, он все больше с давным-давно почившими в бозе татаро-монгольскими ханами дело имел, да и то усомнился в том, а были ли ханы, или все древние историки развлечения ради придумали.

– Карп, Антоша, как Ленин, в том смысле, что живее всех живых! – Настя с жаром ринулась объяснять мужу рыбою природу. – Он может долго пролежать без воды, и даже сделает вид, что уснул, но стоит его в воду бросить, как он оживет и поплывет. Даже, говорят, после глубокой заморозки в себя приходит и оживает. Теперь прикинь: мы покупаем карпа, и привозим его на рынок. Да за живой рыбой к нам очередь будет стоять!

Настя быстро изобразила бизнес-план, согласно которому концессионерам нужно было не так уж много. Автомобиль у них имелся в наличии. Причем, хоть и не новый, но вполне боевой «каблук», специально предназначенный для перевозки грузов. Надо было обзавестись пластиковыми ящиками для рыбы. Ну, и решить вопрос с начальным капиталом.

С первым разобрались легко. Нашли врага в местном продовольственном магазине, который за небольшую денежку разрешил им незаметно украсть два десятка ящиков из-под селедки, что и было провернуто под покровом ночи.

С начальным капиталом было сложнее. Народ уже успел дойти до ручки – сотенную взять в долг до получки и то было сложно, а потребительских кредитов банки в то время не давали. Выручила Настина мама. Всплакнув, Вера Андреевна, принесла завернутые в десяток газет «гробовые».

Когда денежки пересчитали, сильно удивились: пенсионерка умудрилась каким-то непостижимым образом накопить сумму, которой с лихвой хватило бы на скромные похороны всех жителей их микрорайона.

Антон почесал макушку и с удивлением спросил:

– Как же это вы, мама, так исхитрились-то?

– А все просто, дорогой зятек, – ответила ему Вера Андреевна. – Я к другой жизни привыкла. Направо-налево денежки не кидаю, лишнего не покупаю, и рубль за рубль держу, а не за мелочь какую. Вот и прирастал капитал малым рублем. Вы вот сейчас растрывайте его, а потом хоронить меня не на что будет...

Вера Андреевна горько хлопнула носом.

– Не растриндим, мама! Нам на дело, а вернем с процентами! Да и вы пока помирать не спешите! – Антон за те несколько дней, пока у них с Настей вызрела идея этого малого бизнеса, как-то даже изменился, чем весьма порадовал тещу. Нет, его татаро-монголы, конечно, были где-то рядом, но он уже перестал впадать в ступор, ломая голову над вопросом было оно или не было, это иго.

Оставалось решить один вопрос. Рыбколхоз находился неподалеку от атомной станции, и проехать за шлагбаум в запретную зону можно было только по пропускам. В принципе, и это было решаемо – друзья помогли бы. Но на это ушло бы еще недели две, а есть, как известно, хочется каждый день. Да еще и несколько раз в день. И не абы чего, а повкуснее!

На помощь пришел Гена Туркин, который хмыкнул на слово «пропуск» и сказал – «Всего и делов-то!», – и вечером привез Насте и Антону два бланка командировочных удостоверений с печатями Фонда защитников ушастых тюленей.

– Вот, аккуратно заполните, можно от руки, и пропустят вас, как миленьких! Я точно знаю! Наши специалисты в тех краях бывают, проезжают по таким вот командировочным.

Вечером Настя ровным, как у прилежной пионерки, почерком вписала в готовые бланки фамилии, имена и отчества – свои и Антона. Далее следовало, что оба они являются сотрудниками Фонда и командируются в рыбколхоз «Шепиловский».

– Антон! Тут стоит «цель поездки». Что писать?

– Пиши: «Закупка корма для ушастых тюленей». И отмазка хорошая будет, если на обратном пути наши ящики потрясут.

– А ты уверен, что ушастых тюленей кормят пресноводным карпом?

– Уверен – не уверен, а пиши именно так. Вот увидишь – прокатит! И вообще, коль уж я ввязался в это дело, то буду прикалываться по полной программе!

«Юморист! – с удовольствием подумала про мужа Настя, радуясь переменам в нем. – Пусть лучше прикалывается, чем татаро-монгольскую тему гоняет туда-сюда без практической пользы!»

В первом рейсе Настю слегка колотил мандраж – боялась пограничников. Молоденькие мальчишки дежурили на посту вместе с таким же юным лейтенантом, который для пущей важности отпустил жидкие усики.

– Ваши документы! – козырнул лейтенант, когда машина Насти и Антона глубокой ночью остановилась возле полосатого шлагбаума.

Он долго изучал липовые командировки, посветил в паспорта, в лица, ухмыльнулся:

– Это где ж такие, тюлени-то ушастые? В зоопарке что ли?

– Нет, – важно ответил ему Антон. – В экспериментальной лаборатории нашего Фонда. Раньше им семгу с форелью возили, а сейчас вот в связи с ухудшающимся материальным положением, хотим перевести их на карпа. Лишь бы жрать стали. Тогда будем тут у вас частенько бывать...

– Ну-ну, бывайте! – лейтенант улыбнулся и козырнул компаньонам.

– Ну, вот! А ты боялась! – хохотнул Антон, когда Настя вырулила за шлагбаум.

Они первый раз долго плутали в темноте, пока нашли этот самый рыбколхоз. На свет фар «каблука» из будки вылез сторож. Узнав, что они приехали за рыбой, пропустил машину на территорию. Потом протопал обратно в будку, покрутил ручку допотопного телефона и позвонил кому-то. И когда «сотрудники Фонда» подъехали к причалу, там их уже поджидал мужик в телогрейке и с сачком.

– Саня! – сунул он Антону свою не очень чистую лапу. На Настю внимания не обратил. – Ящики на весы станови, я грузить буду...

Карпы шуршали чешуей, ссыпаясь из сачка в ящики. Насте было их жалко. Большие, словно плоские разделочные доски, попав в ящик, они яростно боролись за свою водяную жизнь, протестуя против сухопутного существования, били хвостами и беспомощно разевали рты. А Саня орал «Поберегись!» и насыпал наверх новых. Антон прижимал карпов крышками и ставил ящики аккуратно в машину. Потом Саня высчитал общий вес рыбы, умножил количество килограммов на стоимость одного, сделал небольшую скидку – «оптовикам мы рады!», – принял деньги, не пересчитывая, положил их в карман, и махнул рукой – «Ехайте!»

А когда Настя завела двигатель, он вдруг постучал в стекло.

– Вы...эта... Если вы еще раз приехать захочите, вы мне порнушки какой-нибудь привезите, ладно? А то грустно мне тут...

– Не поняла... Какой порнушки? – Настя чуть не подавилась.

– Да какой-нибудь! Журналец там какой, или книжку. Уважьте, лады?

– Уважим-уважим! – весело сказал Сане Антон. – А ты нам за это скидку побольше сделаешь, правда?

– А че не сделать? Сделаю! Тута рыбы знаешь сколько? Хреновая туча – вот сколько! И мне не жалко за порнушку скидку. К тому ж рыба не моя, и перевешивать никто не будет.

Антон вспомнил разговор про порнушку, когда они через день снова собрались с Настей ехать за карпом. Никаких журналов подобного сорта у них никогда не было. Была у Антона упрятанная на антресоли видеокассета «про это», но он бы ни за что не отдал ее Сане, ни за какую самую большую скидку. Обойдется! Самим пригодится.

– Во, Насть, я придумал. Отвезем ему «Лолиту». У нас две. Пусть одна послужит бизнесу.

Настя усомнилась в том, что набоковская девчужка как-то удовлетворит интимные запросы Сани из рыбколхоза, но согласие дала: «Лолита» у них была в двух экземплярах.

– Ты возьми для него ту, что «на коленке» сделана, – сказала она Антону, имея в виду книжку с полуслепым шрифтом, из первых репринтных изданий, что появились после перестройки. И всю дорогу переживала, что Саня окажется каким-нибудь сильно продвинутым в вопросах литературы, и тогда дар их не прокатит за порнушку.

Но Саня, полистав книжку, посветил в нее фонариком, и спросил:

– Тут ...эта... есть такое, чтоб забирало?

– А то как?! – со знанием дела подтвердил Антон. – Забирает. И еще как!

– Ну, тогда лады, как уговаривались – скидка будет сурьезная.

Он, и правда, долго высчитывал, чтоб Антону «была выгода», и ушел в свой вагончик еще до того, как Настя и Антон отъехали от причала, буркнув им «Пока!» на прощание. В вагончике вспыхнул свет.

– Смотри-ка, видать и в самом деле заколбасило Саню, даже ворота не закрыл!
– Посмотрим, как он нас в следующий раз встретит... – задумчиво сказала Настя, вырвавшая на дорогу.

Саня через день был каким-то загадочно молчаливым. Быстро накидал рыбы в ящики, обсчитал вес, привычно скинул цену, как для оптовиков, и пошел в вагончик.

– Сань! – окликнул его Антон.
– Чавой-то?
– Ты про книжку молчишь... Как тебе?

Саня вернулся с половины пути, подошел к Антону близко-близко, нарушив его личное пространство, дыхнул чесночно-луково прямо в лицо, взял его за пуговицу на куртке, и вдруг сказал:

– Убить мало гада!
– Ты о ком? – отшатнулся Антон.
– О мужике этом, об... ну... в общем, который это... пацанку который...
– Понял. Короче, с порнушкой мы тебе не угодили?
– Нет! Ты что! Тут ведь какое дело... Бывает как бы просто порнушко. Так, чисто порнушко! А тут... Тут с душой!

И Саня удалился в вагончик, где уже несколько дней подряд вдумчиво читал «Лолиту». А Антон сел в машину, тупо уставился на Настю.

– Ну, что? Как ему «Лолита»? – спросила она.
– Обалдеть! Настя, он проникся...

Сказать, что рыбный бизнес приносил концессионерам какую-то ощутимую прибавку в семейный бюджет, было нельзя. Рыбка была почти «золотой». Через месяц Настя и Антон осунулись и похудели. Сказывалось хроническое недосыпание. За карпами ездили в ночь, чтобы с утра продать его на рынке. Да и Сережка в это время крепко спал.

Не смотря на все скидки и трепетное отношение Сани к Лолите, цену рыбколхоз на своего карпа держал высокую, поэтому после всех расчетов в кошельке у Насти оседала лишь малая копеечка. Правда, муж ее изменился до неузнаваемости, как будто и не было у него в характере вечной созерцательности и мечтательности. Он научился разговаривать с Омаром – заведующим рыбных рядов на рынке. И Омар стал уважать Антона именно тогда, когда он стал грамотно торговаться.

Иногда Омар шлепал себя по жирным ляжкам, вращал глазами, и орал, что «завернет этого карпа, к чертовой маме!»

– Заворачивай! – говорил ему спокойно Антон, и отваливал из торгового зала.
– Эй! Э, слышишь, да? Вернись, да! Ну, прости, слышишь, да?! – Омар догонял Антона, и вцеплялся ему в рукав. – Все! Я понял – все! Я беру твой карп! Беру! Но ты... Ты должна помнить: это я, добрый дядя Омар тебе такой поблажка делаю! Вот!

Антон скрывал за своей невозмутимостью усмешку. Он уже раскусил этого хитрожного товарища. Тут просто срабатывал закон востока: товар надо показать лицом и торговаться до хрипоты!

В один из дней Омар с рынка исчез. Просто растворился. Кто что говорил про это, сотня версий таинственного исчезновения человека гуляла по рынку. Работники рыбного ряда были выбиты из колеи, и готовились к смене хозяина. А к чему еще было готовиться? К обеду испарились и близкие и дальние родственники Омара, почуяв неладное. И у Насти с Антоном, которые привезли карпа, никто не хотел принимать товар. Помыкавшись пару часов в темном, пропахшем рыбой коридоре у запертой двери в кабинет Омара, за которой надрывался телефон, Настя и Антон решили двигать к дому. В «каблуке» у них было под сотню килограммов карпа, и никакого запасного аэродрома.

– Что делать будем? – спросил задумчиво Антон.

– Что-что... Продавать как-то надо. – Настя задумчиво смотрела вдаль.

В этот день ее загребли милиционеры. За незаконную торговлю. Антон оставил ее у железнодорожной платформы и помчался на работу – еще накануне Гена Туркин позвонил ему и сказал, что привезут деньги, но на всех не хватит, и если Антон хочет хоть что-то получить...

– Тош, елки-зеленые! Ну, как я продавать буду?! Я не умею! – ныла Настя, устраивая ящики у обочины дороги.

– Не умеешь – научим, а не хочешь – заставим! – муштровал ее муж, и отдавал последние наставления. – Пакеты я тебе купил, безмен, перчатки. Настюнь, не капризничай! Торгуй! А я за денюжками – туда и обратно! Да, пару-тройку рыбок оставь на ужин! Я пожарю!

В общем, Настя, которая совершенно не умела считать, – если вес был не ровно килограмм, а килограмм «с копейками», то умножить одно на другое «в уме» она толком не могла, – взялась за торговлю. Сначала ей было жутко стыдно, когда у нее спрашивали, что за товар в ящике. Но никто не смотрел на нее. Всем интересно было понюхать карпа, выбрать рыбину покрупнее. И Настя скоро перестала краснеть и стесняться, и, округляя в пользу покупателя, радуя его ценой, охотно принялась рассказывать, откуда рыба, и расписывать ее вкус.

О вкусе, кстати. Настя даже не знала его, этого карпового вкуса! Она просто не любила рыбу. Никакую. Всегда справедливо считала, что самая вкусная рыба – это колбаса.

В разгар торговли к Насте подошли два милиционера.

– Нарушаем? – строго спросили они. – Разрешение на торговлю есть?

– Нет... – Настя не то чтобы испугалась, но растерялась. Впервые услышала, что нужно какое-то разрешение.

– Откуда рыбка? Сами ловили?

– Сами. Нет-нет, сами возим. Ловим не сами! Покупаем!

– Ага! Покупаем и перепродаем?! Спекуляция!

Настя пустилась в объяснения. Она чуть не рыдала. Документов на товар и в самом деле – никаких. Предъявить милиционерам командировочные удостоверения, в которых значилось, что они с мужем приобретали рыбу для прокорма ушастым тюленям, Настя побоялась – а вдруг менты отнимут документы?! Она на словах и на пальцах кинулась объяснять им про Фонд, про тюленей, которых надо спасать.

Менты переглянулись.

– Это кто ушастые? Вот, они что ли? – милиционер ткнул пальцем в прохожих. – Или, может, я?

– А что, Витёк, ты очень даже на ушастого тюленя похож! – заржал второй милиционер. – В общем так, барышня, груз свой собирайте – и в отделение.

– Мальчики! Не надо в отделение, а? Давайте я вам рыбки дам, свеженькой, и уеду отсюда к чертовой матери! У меня сын в детском саду, если не заберу вовремя, плакать будет. А? Давайте я вам рыбы...

– Ну, вот что, – решительно перебил ее первый. Видать, он из двоих был старшим. – Рыбка это хорошо, но кроме рыбки будет еще и штраф. Сколько ты тут наторговала-то? Вот давай, выгребай. А мы пока тебе квитанцию выпишем. Или не выписывать? Не выписывать! Не будем! Так и быть. И даже забудем, что тут тебя видели.

Платой за этот неудачный день стал ящик рыбы. Эти оглоеды и два бы забрали, да им в лом переть было тяжеленные ящики. Всю выручку они тоже забрали. Настя ехала домой и глотала слезы от обиды, матеря в полголоса нашу доблестную милицию.

– Уроды, чтоб вам пусто было... Хуже разбойников! Нет, подумать только, а?! Тут горб гнешь, ночей не спишь, а эти, которые, из "правоохранительных органов, подошли и за пять минут заработали. Чтоб вы подавились этим карпом, паразиты! Чтоб его хребет вам поперек встал в одном месте!

Настя забрала в детском саду Сережку, и помчалась к дому. Там она с трудом разгрузила из машины ящики с рыбой – чуть не надорвалась! Карпа было еще очень много, и что делать с ним, по крайней мере, до приезда Антона, Настя совсем не знала. Карпы не били хвостами и не разевали рты. Настя понюхала рыбу. Пахли они не хуже и не лучше, чем утром. Но это ведь рыба, и ее надо было как-то сохранить.

– Йес! – Настю озарило. Она заткнула ванну пробкой и открыла кран с холодной водой.

Через час в ванне плюхались ожившие карпы, а маленький Сережка стоял на табурете и визжал от восторга.

– Папа-папа!!! – радостно закричал он, когда услышал, как открывается входная дверь. – Папочка! У меня аквариум! Огромный! Пойдем скорее!

Сережка потащил Антона в ванную. От увиденной картины, специалисту по откорму ушастых тюленей стало плохо:

– Настя! Настя! Это что???

– Ох, Антоха! Я попала сегодня.

И Настя рассказала мужу, как лишилась и рабочего места, и выручки, и живности.

– Ну, ладно это все, а карпов-то зачем в водупустила?

– А куда мне было их пустить?

– Никуда!!! В ящиках надо было оставить! Они ж теперь живые! Мало того, что пожарить нельзя, так еще и помыться негде!

Антон, чертыхаясь, кинулся ловить рыбу. Карпы выпрыгивали у него из рук. Кто-то плюхался назад в ванну, а кто-то ускользал под нее, где долго колотился в эпилептическом припадке, громыхая маленькими стеклянными баночками из-под майонеза, которые Настя собирала для мелких бытовых нужд типа сдачи анализов в лабораторию поликлиники.

На ужин у них в этот день не было ничего. Даже хлеба. Ужин плавал в ванне, жизнерадостно шевеля плавниками. Всю дорогу Антон мечтал о жареных карпах, и на тебе!

– Настена! Как жарить-то живых?

– Не знаю... – Настя расстроено пискнула.

– Ладно, иди в комнату и двери закрой. Я их убивать буду, вдруг они кричать начнут! – грустно пошутил муж.

Настя ушла в комнату, увела Сережку, двери плотно закрыла и зажала уши ладошками.

– Мамочка! Папа будет убивать рыбку? – хныкал сын. – Мамочка! Я не хочу кушать! Скажи папе, что я не голодный. И ты тоже. Ты ведь не хочешь кушать, правда?!

Настя уже хотела сорваться и остановить мужа, но тут распахнулась дверь, и она увидела на пороге Антона в ее кухонном переднике с топориком для разделки мяса в руке.

– Насть, к черту ужин! Я не могу! Ну, не убийца я! Не Чикатило какое-то! Я понимаю, что моя семья умрет от голода, но до утра никакой кулинарии!

Настя с Сережкой кинулись в ванну. Все, что смог сделать глава семейства, ярый защитник ушастых тюленей – это выпустить воду из ванны.

– Вот. К утру они уснут, тогда и поедем... – виновато доложил Антон.

И все – люди и рыбы – уснули голодными, но счастливыми. А когда проснулись в изрядно провонявшей за ночь рыбой квартире, за окном лежал снег. Первый. Не смелый и не долговечный.

– Друзья мои! – торжественно сказал Антон. – Я вчера забыл вам сказать, что мы безумно богаты. Безумно! Мне отдали все заработанные деньги. За целых три месяца. И премию! Спасибо господину Соросу! Вот ты, Настенька, все ржешь над татаро-монголами, а Сорос... Молчу-молчу! В общем, мы неприлично богаты, а потому объявляю пикник! По случаю первого снега.

Они поехали в лес, прихватив с собой несколько крепко уснувших вечным сном карпов. Выбрали симпатичную полянку, и к великой радости Сережки запалили костер. Карпов разделали, перевязали шпагатом, и уложили на решетку самодельной коптильни. Следили внимательно за тем, чтобы стружка под решеткой не горела, а только дымилась. А потом, обжигаясь, ели пахнущее дымком белое мясо. И даже Настя, для которой самая вкусная рыба – это колбаса, тоже ела.

Оставшуюся рыбу Настя и Антон пристраивали долго и нудно: ходили по соседям, продавали по одному, от силы по два «хвоста». Думали уже не о прибыли, а о том, чтоб не пропал труд и вложенные средства. После этого недели две они не ездили в рыбкалхоз, а занимались поиском рынка сбыта.

На рынке тем временем место Омара занял Мамед, который от Омара не очень отличался даже внешне. Мамед готов был покупать живого карпа, но по совсем смешной цене. Произведенные расчеты показали, что с таким бизнесом концессионеры могут в убытке остаться.

Чтобы не терять связей с продавцом Саней, Настя и Антон решили все-таки изредка делать закупки в «Шепиловском». Только на семейном совете решено было перепрофилировать бизнес. И в один из дней Настя с Антоном купили в рыбсовхозе немного карпа, несколько ящичков окуней и два ящичка миноги. Этих гадов им Саня буквально навязал. Даже Насте с ее опытом работы в рыблаборатории было не по себе от общения с миногами.

– Тьфу, змеи! – брезгливо поморщилась она, разглядывая копошащуюся в огромной сетчатой емкости черно-зеленую массу.

– Миленькая моя! Да ты их сама съешь за милую душу! Они что жареные, что маринованные – за ушами трещат! – нахваливал товар Саня-продавец.

– Лодка так подводная называлась, одна из первых, – задумчиво выдал начитанный и умный Антон, боязливо погладив по гладкой спинке рыбку-присоску. – «Минога».

Дома они сгрузили ящички с окунем и миногами, подхватили в детский сад сонного Сережку, и помчались на рынок. Там им Мамед дал понять, что он не намерен уступать, и карпов они сдали чуть ли не в убыток себе.

Домой вернулись в дурном настроении. А когда увидели свою квартиру, то Настя в ужасе зарыдала. Да и Антон почувствовал, как у него волосы на голове зашевелились. Эти чертовы рыбы-змеи – миноги – покинули ящички и расползлись по дому. Они висели на стенах и мебели в кухне и прихожей. Самые шустрые сумели добраться до комнаты. Полдня Настя и Антон собирали их, матеря в сто этажей Саню, который уговорил их приобрести этот деликатес. Потом Настя помчалась к соседям, выпрашивать емкости для маринования миног.

На помощь была вызвана Настина мама Вера Андреевна, которая сообщила, что миноги – это «безумно вкусно», и она приготовит их так, что все будут есть и пальчики облизывать. У Насти просто гора с плеч упала.

Этот день, а за ним и ночь, все они запомнили на всю жизнь. Как ни старались делать все чисто и аккуратно, но к утру квартира напоминала рыбный завод, а все они – рабочих, отрубивших ночную смену в цехе засолки рыбы. Окуневая чешуя серебрилась везде, где только можно. Вера Андреевна, направляясь в туалет, поскользнулась на рыбьей требухе и едва не убилась, стукнувшись головой о шкаф, а Сережка, который устал от всей этой катавасии и попросился спать, через минуту орал, как резаный: под подушкой вместо плюшевого медвежонка, с которым ребенок засыпал, обнаружилась засохшая дохлая минога. Сережка с воплями выскочил из кровати, и спать ложиться категорически отказался, даже поприсутствовав при тщательном обследовании спального места при полной иллюминации. Он маялся до полуночи, сидя в прихожей на низенькой скамеечке рядом с отцом, который ловко потрошил окуней и вставлял им в губу крючок, сделанный из канцелярской скрепки. А потом забрался с ногами на родительскую кровать, лег, не раздеваясь, поверх одеяла, и уснул.

К утру все пространство над газовой плитой было увешано окунями, натертыми солью до белизны, а в большом чане, в котором соседка когда-то кипятила белье, мариновались миноги.

Три сковороды, с трудом уместившиеся на плите, были под завязку забиты упругими зажаренными колбасками. Миноги на вкус оказались странноватыми. Ни Настя, ни Антон не возрадовались, испробовав мамино произведение.

– Не хотите, как хотите! – с легкой обидой сказала Вера Андреевна. – Я их домой заберу, в холодильник поставлю и съем.

– Мама! Это все ваше и абсолютно бесплатно! – попытался пошутить Антон.

Лучше бы он молчал про деньги! Вера Андреевна тут же вспомнила про свои «гробовые», которые пошли прахом, и долго сокрушалась об их потере.

...«Гробовые», все до копейки, и даже с обещанными процентами Антон теще своей вернул. Правда, не с доходов от рыбного бизнеса...

После той памятной ночи на рыбном бизнесе была поставлена жирная точка. Они кое-как перебивались с хлеба на квас, занимали и перезанимали деньги, отдавали долги, выкручивались, изворачивались. А потом Антону вдруг неслыханно повезло. В нужном месте и в нужное время он встретился со своим однокурсником, который удачно заправлял бензином половину городских АЗС. Дело, далекое от истории и татаро-монгольского ига, которым однокурсник Гришаня Воробьев, кстати, тоже «болел», но стабильно дававшее очень неплохие деньги.

– Антоша, забей ты на эту татаро-монгольскую хрень! Не до нее сейчас! – поучал будущий компаньон Антона Сибирцева. – Бог даст – еще позанимаешься своей наукой. А не даст – так я тебе сейчас даю возможность заработать так, что потом ты сам возьмешь все, что надо. И от науки, и от жизни. Ты думаешь, мне ночами не снятся всадники на конях и с копьями да луками-стрелами?! Еще как снятся! А я утром просыпаюсь, и говорю себе: ша, Гриша, сегодня у тебя переговоры с очень нехорошими дядями-конкурентами, и тебе надо не копьём махать, а красиво их уговорить. Копьём махать проще всего. Но от этого и без головы можно остаться. А я умею без копья с ними договариваться. И тебя научу. Мне свой человек, ой, как нужен!

Антон не возражал, а, получив приличные «подъемные» от компаньона, он пришел к Насте и сказал:

– Насть, хочешь – голову мне оторви, хочешь – сразу прости, но все куда-то ушло. Вот тут пусто. – Антон показал ну грудь, где было сердце.

Настя все поняла: это он про их ставшие какими-то чужими, отношения.

Странно, но Настя была готова к этому. То ли от рыбных будней и последующим за ними жутким безденежьем устала и хотела отдохнуть, то ли и в самом деле ушло все куда-то.

Они договорились тогда, что Антон уйдет жить к родителям, но будет сам приезжать и привозить деньги для жены и ребенка. Ну, и «гробовые» теще, конечно, отдаст сам...

Настя в довесок к элегантному чемодану с вещами мужа выставила в прихожую старый рюкзак, набитый вяленным окуном.

– Это-то куда, Настен?

– А мне куда? – Настя легонько пнула рюкзак. – Я рыбу не ем. А так, может, батя твой с пивом употребит, или Воробьев когда снизойдет.

Антон криво улыбнулся на это, но рюкзак прихватил.

Вот так они странно расстались, освободив друг друга от семейных обязанностей. Настина мама всплакнула, узнав, что зять ударился в большой бизнес, оставив жену и ребенка. Она усомнилась в том, что он вернет ей ее накопления. Но уже через месяц Антон возвратил долг новенькими зелеными долларами, да еще и с процентами. И к Насте беглый муж заехал, выделив на жизнь приличную сумму. Сережка на нем повис, расхныкался. У Насти даже в носу защипала.

Она побоялась, что Антон сейчас заплачет, и больше не уйдет никуда. А ей уже не нужно было, чтобы он остался.

Но Антон Сибирцев не заплакал, и сына утешил:

– Сереж, ты не плачь, сын. Я, как был, так и буду папой тебе. Просто жить мы пока будем вот так: ты с мамой, а я с бабушкой Машей и дедом Толиком. Вот наступит лето, и мы с тобой

поедем к ним в деревню, где у них дом, и пруд, а в пруду – караси. Будем с тобой рыбу ловить и в бане париться. Идет?

- Идет! – Сережка вытер слезки, слез с рук Антона, и помчался в детскую.
- Ну, ты как? – спросила Антона Настя.
- Нормально. Работы много, командировки. А ты?
- И я нормально. Не пропадай.
- Не пропаду.

Странно. Расстались, как будто и не было любви, как будто и не ревновала Настя его к другим женщинам. Как будто из-за рыбы этой, из-за ночи этой бессонной, кончилась между ними любовь, а осталось одна только усталость, от которой и ей, и ему просто хотелось отдохнуть.

А рыба...

– Батя окуней до сих пор ест! – засмеялся Антон.

– А мы, представляешь, засохшие миноги до сих пор собираем по квартире! – улыбнулась Настя. – Двух нашли за кухонным столом, а одну – в моей туфельке!

Все, кто знал их, как пару, удивлялись тем переменам, которые произошли у них в семье. Не понимали, как такое могло произойти. Не было ни ссор, ни скандалов, ни любовниц с любовниками – ничего того, из-за чего распадаются семьи. Не было! А люди взяли и расстались. И при этом остались друзьями.

И даже долго не разводились официально. Не нужно было. Развод оформили только через четыре года, когда Антон надумал жениться во второй раз. Настя даже на развод не поехала, просто написала от себя заявление в суд, что не возражает. А через год и сама вышла замуж за Никиту Волкова.

А потом с ней приключилась совсем смешная история. Настя лежала в роддоме с маленьким Васькой. Сыну было три дня, когда в палату к ним положили юную барышню. Вернее, двух. Старшей было лет 20, младшей – всего несколько часов.

Настя познакомилась с Леночкой, помогала ей советами – все-таки, она уже второй раз мамой стала, а это – опыт! Леночка старательно перенимала его.

А вечером тихо скрипнула дверь в палате, и на пороге возник с огромным букетом цветов Антон.

Настя первой увидела его.

– Тош, ты что? Ты откуда...?

– Настюш! А ты что тут делаешь???

В общем, все просто: бывший Настин муж оказался настоящим Леночкиным. Когда разобрались, что почем, долго смеялись. И опять все легко и просто у них получилось. Ни кошки черной, ни ревности. Наоборот. Подружились Настя с Леной. Семьями, правда, дружить не получилось: Никита категорически не желал видеть в «своем» доме бывшего Настиного супруга. Настю это его «я в своем доме...» сильно цепляло. Жил-то Никитос в Настинной квартире. Но насильно мил не будешь, и дружба была немного однобокой. Или Антон приезжал к ним, чтобы увидеться с Сережей, или Леночка с Ксюшей выбирались в гости к «братикам».

Леночка была просто чудо, а не женщина. С Антоном Сибирцевым она носилась, как с писаной торбой. Иногда советовалась с Настей, что, например, подарить ее бывшему мужу на 23 февраля.

А однажды в лоб спросила:

– Насть, я Антоху очень люблю. Он порядочный человек и отличный муж. И я знаю, что и в прошлой жизни с тобой он был таким же. Что же такое случиться могло, что вы расстались, да еще вот так, после трудностей всех? Если честно, я боюсь: вдруг он вот так возьмет и в один прекрасный день от меня уйдет?

– О-о, это вряд ли! – Настя грустно улыбнулась. – Вряд ли. Одно то, что в вашей с ним жизни нет татаро-монгольского ига, уже много значит. Может быть, он был прав, и его действительно не было вообще никогда...

* * *

В институте Настю ждал «сюрприз». И даже не один. Во-первых, о зарплате речь не шла. В бухгалтерии Настя получила лишь крохотную часть того, что ей задолжали. На вопрос «Когда дадут остальное?», отвечали весьма туманно – «Не знаем».

Во-вторых, в Настиной экспериментальной лаборатории осталось три человека: она, завлаб Иван Иванович Стариков и Маша Терентьева, которая писала диссертацию по искусственным кормам для радужной форели и свято верила, что кризис пройдет когда-нибудь и «диссер» ей непременно пригодится. Деньги Машу Терентьеву не очень-то и интересовали всегда. Мама и папа у нее были на пенсии, а это, как не крути, стабильность. Даже в кризис. Тем более, папа – отставной генерал. Плюс закалка времен перестройки.

– Не переживай, дочка! Мама у нас так наострилась в те годы курицу делить на шестнадцать частей, что мне с ней ничего не страшно! Проживем! И тебя выучим. Пиши свой диссер, и в ус не дуй! – решил Машин папа.

Вот Маша и писала. И увольняться не собиралась. В обед они в лаборатории согрели чай, достали баранки и поговорили «за жизнь».

– Машенька! Сокращать тут никого не будут, можете не бояться, – сказал Иван Иванович. – Более того, кто-то должен за всем этим хозяйством следить. Техник Михал Ильич говорил мне на днях, что ему даже немного зарплату повысили, за счет того, что из первой и пятой лабораторий техники уволились. Он теперь и их участки обслуживать будет. Значит, закрыть – не закроют. Правда, как платить будут – не знаю. В производстве и переработке чуть лучше дела, а у нас все лаборатории на ладан дышат...

Посидели в тишине, помолчали. Настя вспомнила, как раньше они устраивали посиделки – места всем не хватало! И гвалт такой стоял, что любопытные мимо пройти не могли. Вместе с техниками и уборщицей тетей Галей их было почти два десятка сотрудников в лаборатории. И вот, осталось только трое...

– Трое в лодке, не считая рыбы... – Настя с хрустом сломала сушку. – Иван Иваныч, а что с кои нашими?

– Ну, они теперь точно долго не нужны будут никому. Пока не гонят меня с ними, маленький бассейн так и будет для них, но если попросят отсюда, я пока даже не знаю, что делать буду. Меня ж, как внучки родились, дома из кабинета, считай, выперли. Два аквариума там остались, но этого мало. Ладно, девчонки, пока никто не гонит – не будем и голову ломать на эту тему! Но работу искать надо. Это теперь так, хобби...

Работу Настя взялась искать сразу же. Но легко сказать – «искать». Это даже не иголка в стогу сена. Там, если уж так заявляется, эта иголка точно есть, и если хорошо искать, то может и попадется. А вот работа в кризис – это просто катастрофа. О работе по специальности можно и не мечтать. Тут уж не до профессии. Тут надо думать, как заработать сразу и сейчас. То есть работа нужна такая, которая пусть не много, но будет давать ежедневно.

– Стоп! Что значит «не много»? – спросила сама у себя Настя. Она в последнее время, как бабка старая, любила рассуждать вслух. – Это «не много» не даст ни за квартиру заплатить, ни долги отдавать.

Но все это были лишь мысли вслух. Пока что ни о какой работе речь не шла, хотя Настя и готова была на любую.

У Никиты кризис и вынужденная трезвость вызывали вспышки дикой ярости, во время которых он крыл в сто семь этажей правительство, законы, страну, политиков известных и не очень. Когда ярость сходила на нет, он начинал брюзжать, что совсем выбивало Настю из колеи. И это все вместо того, чтобы встать пораньше, поехать на биржу труда и найти хоть что-то.

Настя поняла, что если Никита срочно не найдет себе занятие, то все может плохо закончиться. Он менялся у нее на глазах и пугал ее этими изменениями.

Настя провела на кухне мощную ревизию, и обнаружила несколько банок мясных и рыбных консервов, мешок корма для Филимона, много муки, в которой поселились жуки, полмешка сахара, ну, и небольшой запасец круп с макаронами.

В холодильнике тоже кое-что было, правда, не колбаса и сыр, а замороженные картофельные котлеты, клюквы целый пакет, две банки варенья, три банки консервированной кукурузы, две пачки масла, и три пузырька соевого соуса. Не густо, но при разумном подходе жить можно какое-то время.

Больше всего Настю расстраивал младший сын Васька. Когда он, хлюпая простуженным носом, хныкал, что хочет новый киндер-сюрприз, чтоб в нем был самолетик, как у Саши в их детсадовской группе, Настя никак не могла объяснить ему, почему не может купить это шоколадное яйцо.

Тогда Васька шел к Никите, и докладывал ему все, что он думает о кризисе, о родителях и о своей горькой доле. Никита притворно горько вздыхал и нес какую-то околесицу про плохих дяденек из Америки.

Настя не выдержала, оторвалась от просеивания жукастой муки, и сунула нос в комнату:

– Что ты ему примеры какие-то тухлые приводишь, заокеанские? Ты расскажи ему про то, как сам необдуманно с работы ушел, дверью хлопнув, а потом, вместо поиска новой работы, увлекся более приятным. И про меня расскажи, как я на науку пахала, которая, похоже, никому не нужна в этой стране. А на десерт приведи пример из Булгакова.

– Это про что? – удивленно спросил Никитос.

– Это про кризис, который не в клозетах, а в головах...

Никита криво усмехнулся, подтолкнул Ваську на выход. Тихонечко сказал:

– Иди, сынок, к маме, она тебе все объяснит...

А сам нежно скрипнул пружинами дивана, отвернулся носом к стене и сделал вид, что уснул. Правда, когда из кухни потянуло жареным, Волков встрепенулся, сел, нашел ногами тапочки, и, шаркая по-стариковски, пополз в кухню.

На ужин были оладьи и глазунья. Четыре тарелки и в каждой по одинокому желтому глазу в голубоватом белке. А к оладушкам была сметана и варенье. Васька похныкал немного, вспомнив киндер-сюрприз, который ему так и не купили не понятно по чьей вине – то ли родителей, которые почему-то не работали, то ли неведомых ему американских дяденек, – но оторвался на оладьях. А под конец еще и мандарин получил.

– Мандарины? – Никита удивленно-театрально приподнял одну бровь. – Первый признак приближающегося Нового года! Знаете, дети, в нашем с мамой детстве этот праздник пах не только елкой, но и мандаринами.

На этом воспитательная часть закончилась, и Никитос спросил у Насти:

– Настен, а где мандаринчик-то взять?

– А мандаринчики, милый, только детям! Никит, ну, ты шутишь, или как? Денег нет. Есть только долги. И дети. А ты сидишь и в ус не дуешь?!

– Я дую! Еще как дую! Но что мне делать, если я не могу ничего найти, Настя?! Что мне делать??? Я ничего не умею делать, кроме как придумывать что-то новое!

– Ну, так придумай что-нибудь! Что-нибудь более простое, чем сувенирная зажигалка на троих!

Услышав, как пренебрежительно жена говорит о том, что было дорого его сердцу, Никита набычился. Молча доел оладьи, – на аппетит обида не повлияла, – и, оставив тарелку в сторону, тяжело поднялся. Он навис над столом, и глядя в Настину макушку, жестко сказал:

– Я никому – слышишь, никому! – не позволю так! – Ник поднял вверх указательный палец, – ... говорить о моем творчестве!

Настя только рукой махнула. Она все поняла: муж не пойдет ни в охрану, ни на стройку. Стало быть, и в охрану, и на стройку идти ей.

А между тем подкатил Новый год, но он не принес с собой обычной радости. Он и так-то в последние годы у Насти проходил очень своеобразно, без шумных застолий, с чужим салютом за окном. Конечно, можно было купить и фейерверк любой и бабахнуть под окном ко всеобщей радости, но как-то не очень хотелось. Тем более что в округе и так хватало стреляльщиков. Поэтому Настя благоразумно приобретала на сэкономленные деньги баночку икры, коробку дорогих конфет, ну, и фруктов заморских – не бананов с мандаринами, которыми никого не удивишь, а манго, кумкват, физалис и еще такие желтые звездочки.

Вот Дед Мороз для Васьки – это было святое. Его приглашали непременно. И с таким подарком, что ребенок был счастлив целый год.

В этом году Настя даже не планировала никаких излишеств, включая прошеного гостя в красной шубе с бородой, который дорого обходится. Кроме того, что надо было оплатить заказ на Деда Мороза, купить подарок – а Васька в этом году замахнулся на снежокат, – так еще и поить-кормить Деда Мороза со Снегурочкой, а может и еще с какими-нибудь елочными прихлебателями, типа Снеговика и Медведя с Зайчиком. Те еще халявщики в этих праздничных конторах, целой компанией теперь по домам подарки развозят. Дошло до того, что порой забывают, зачем пришли. В квартиру вваливаются и сразу в кухню. Безошибочно дорогу находят. Ну, а там уже, как принято, в таких случаях: водочка, огурчики-грибочки, колбаска-сыр и фрукты-конфеты. По полной программе.

В этом году Настя думала, как вывернуться, чтобы оплатить подарок ребенку в детском саду. Туда срочно надо было принести пятьсот рублей. А где их взять???

Пользоваться банковской кредиткой Настя категорически не хотела. Берешь на время и чужие, отдаешь свои и навсегда. Да еще и с процентами. По карте только автомобиль на заправке поила бензином – как не считай, а это было проще, чем мотаться по городу на общественном транспорте.

Настя подъехала к рынку. Тут можно было разжиться не очень дорогими фруктами. Не такими, как в супермаркете, ровными и красивыми, а с примятым бочком, с пятнышком. Но и цена из-за этих изъянов была соответствующей. Дешевле только совсем даром.

Насте повезло. Буквально за копейки купила бананы, апельсины, перцы и ананас. Вышла с огромной сумкой. В голове калькулятор щелкал. С фруктами, считай, вопрос решен. Осталось определиться с салатами и горячими закусками.

«Ну, закуски – это громко сказано, да еще во множественном числе! – подумала Настя. – Картошки побольше и потушить с мясом или курицей. Да так, чтоб на следующий день хватило. Ну, и суп „прошлогодний“. Пожалуй, шей сварю пятилитровую кастрюлю!»

На этой гастрономической ноте взгляд ее равнодушно скользнул по витрине цветочного киоска, и внутри екнуло: в большом стеклянном кубе, установленном посреди павильона, порхали бабочки. Огромные, красивые, как ожившие цветы, совершенно не реального окраса и с невыговариваемыми латинскими именами. Но это, по мнению тех, кто про бабочек ничего не знал. Для Насти же все они были старыми знакомыми. Кого-то изучала по картинкам, кого-то – в коллекции Зоологического музея, а несколько редких экземпляров достались ей от отца и деда – биологов Савельевых. Они хоть и не собирали коллекцию специально, но если случалось отловить в экспедиции редкий экземпляр, то участь его решалась однозначно – под стекло! Как говорил дед, «в стеклянный гроб».

Настя, не дыша, замерла, разглядывая бабочек. Потом оттащила тяжеленную сумку в машину, и вернулась.

Внутри павильона было тепло и влажно. Прилавок ломился от букетов, корзинок и крошечных кипарисов в горшках. Стелянный куб с бабочками занимал много места, но зрелище того стоило. И с улицы любопытные заходили, и, войдя, непременно останавливались поглазеть.

Настя быстро определила бабочек. Все сплошь – экзоты, не редкие давно, так как такую красоту научились разводить и в неэкзотических условиях русского севера. Но красивые!!!

Настя потопталась у бабочек, и решительно направилась к продавцу.

– Девушка! А бабочками у вас кто занимается?

– Вы хотите купить? – продавец – молодая девчушка внимательно посмотрела на Настю.

– Нет, я на работу хочу устроиться.

– А вы – кто?

– Я – биолог, а бабочки – это моя специальность. Я хорошо знаю их и многое умею.

– Ну, хорошо. Вы оставьте телефончик, а я передам его Денису Григорьевичу, он у нас главный по бабочкам.

Настя нацарапала на листочке номер своего мобильного.

«Хорошо бы устроиться в бабочкину конторку, – думала она, вырывая с площади. – Они там не плохо зарабатывают. Правда, сложно сказать, пользуются ли бабочки спросом в кризис. Но и ферму, – а она наверняка имеется, – никто не закроет. Дорогое это удовольствие. В общем, попытка – не пытка!»

Дома Настю ждал «сюрприз». Никитос, упившийся в зюю, крепко спал на диване в гостиной и храпел на весь дом, сотрясая все, что не приколочено.

– Та-а-а-а-а-к... – сказала Настя голосом, не предвещавшим ничего хорошего.

К счастью, супруг не услышал этого ее нехорошего «Та-а-а-а-к...». Более того, он всхрапнул, пожевал во сне, почмокал губами, отвернулся к стене и засвистел монотонно.

Насте захотелось растолкать его, наорать, может, даже отхлестать по щекам. Но она не умела этого делать. И еще за эти несколько месяцев она хорошо поняла, что вести воспитательную работу с пьяным туловищем – дело абсолютно бесперспективное.

Настя плотно закрыла дверь в комнату, и отправилась отмывать посуду. На плите стояла кастрюля с борщом, и красные жирные капли украшали светлый линолеум у плиты и стола. Пьяный Никитос уважал поесть половником из большой емкости. Маменьку Никитоса эта его сельская привычка весьма умиляла, а Настя просто выходила из себя, когда ловила мужа за таким занятием. Правда, будучи трезвым, он умудрялся делать это аккуратно, подставляя под половник крышку от кастрюли или блюдечко. Пьяный же не заботился о чистоте и сокрытии следов преступления. И вот результат: кухня, как кровавая скотобойня!

– Свинья! – громко сказала Настя. И вздрогнула от звонка в дверь.

Она только глянула в глазок и тут же открыла. На пороге стояла закадычная подруга Ритка. Обычно веселая и бесшабашная, она в этот раз выглядела усталой, слегка осунувшейся. На площадке кроме Ритки стоял еще ее большой чемодан на колесиках.

– Ритусик, наконец-то! Из командировки?

– Из нее.

Рита прижалась к Насте, как-то по-кошачьи потерлась о ее щеку.

– Рит, а что за нежности, а?

– Настюх, так дубово на душе, просто беда.

– Ну, ладно, беда у нее! Вползай давай, не на пороге же про беду вещать!

Рита перекатила через порог тяжелый чемодан. Настя тут же обратила внимание на него. Жила подруга в двух шагах от нее. Приехала из командировки, ясен пень, с чемоданом. Вот только почему домой не зашла, вещи не оставила, а сразу к ней?

– Рит, случилось что? Ты почему с чемоданом ко мне, а не домой?

– Дай раздеться, а? И, может, чаем напоишь, подруга? Я б и от обеда не отказалась... А дома я была. Была... – Рита пристроилась на крошечном диванчике в прихожей и принялась стаскивать сапожки. – Только домой-то меня не очень пустили.

– Это как?

– А вот так...

Рита Калинина жила через два дома от Насти. Так близко, что даже играли они в детстве на одной площадке в центре огромного двора. Сейчас таких нет. Сейчас дома лепят друг к другу тесно. А у них дома особенные. Их «сталинскими» называют. Толстые стены, потолки высокие, стоят хоть и кучно, но между ними достаточно пространства для того, чтобы жильцы упражнялись в мастерстве выращивания цветочков в условиях каменных джунглей, а детишки лепили куличи в песочнице и ползали по горкам и деревянным домикам. И все это в окружении выросших за пятьдесят лет в три обхвата городских тополей.

Вот в таком шикарном дворе девчонки сначала играли в куклы, потом приходили пошептаться о своих секретах в покосившуюся беседку, а потом под покровом ночи целовались с кавалерами на первых свиданиях.

Под стать шикарному двору были и шикарные квартиры в домах, стоявших полукругом. Вот только жили в квартирах все по-разному. Если у Насти в «трешке» когда-то жила она, мама с папой и дед, то у Ритки, кроме родителей, жили еще два старших брата-близнеца Данилка и Кириллка. Они были между собой дружны и нежны друг с другом. Учились в одном инсти-

туте, строительном. Познакомились с двумя сестрами-близняшками Таней и Аней, и быстро женились. В один день, разумеется.

Ритка тогда еще в школе училась. В доме было не протолкнуться. И едва Ритуська закончила десятый и поступила в университет, мама и папа спокойно вздохнули, и уехали из города в свой деревенский дом в Сиверскую, куда раньше ездили, как на дачу. Дом был старый, в нем еще Ритуськины дед с бабкой жили. Вокруг дома большая усадьба. Летом парники ставили, выращивали огурцы с помидорами. Зимой в доме было тепло – старое сухое дерево хорошо хранило печное тепло, поэтому родители не боялись зимних холодов.

А Ритка осталась в городской квартире, в которой занимала одну комнату, а в двух других поселились семьи братьев-близнецов. Как-то быстро, почти одновременно они обзавелись целым стадом детишек – три шумных мальчика и две тихих девочки. Дети были похожи друг на друга и на родителей, которые в свою очередь были как две капли воды Ритуськины братья, и такие же две капли – ее невестки. Таня и Аня были очень приличными и милыми созданиями, и только поэтому Ритка мирилась с этим диким соседством.

Очень быстро племянники просочились в Риткину комнату. А как подросли, так то Таня, то Аня по очереди просили «приютить» на площади «тети Риты» то девочек, то мальчиков на ночь. А то и всех разом. Надо полагать, интимная жизнь в семьях братьев-близнецов протекла по скользкому графику.

Замуж Ритка не вышла, так как насмотрелась на это жилищное безобразие чуть не с детства. Близкий её человек Володя Славкин был примерно в таком же положении. Они легко привыкли подстраиваться под график родственников, но себе такого не желали, а посему все откладывали и откладывали на потом свадьбу-женильбу, и в итоге так привыкли к этому, что просто решили навсегда остаться в гостевом браке.

Братья Калинины занимались собственным бизнесом – строили коттеджи «под ключ». Очень красивые теремки получались. Братья все мечтали отгрохать в пригороде большой дом для двух своих семей, и для Ритки. Уже и участок был для этого куплен, и проект готов, и даже стены подняты и крыша настелена. Но довести до ума свое не было ни времени, ни средств. Надо было покруче развернуться, пока были желающие строиться. Все средства в оборот, с каждым разом заказы все лучше и дороже, и уже засветилась впереди перспектива скорого решения собственных проблем, как вдруг все резко изменилось, и на строительном рынке в первую очередь.

– В общем, так, Насть, мои горе-бизнесмены, оказывается, понабрали кредитов под самый кризис, да в таких размерах, что озвучивать не буду – страшно! Я об этом узнала перед отъездом в командировку, месяц назад. Но они тогда бодрились, говорили, что выкрутятся. Не выкрутились! Банки наезжают, а денег нет на погашение кредита. Представляешь?

– А то! Еще как представляю!

– И они не нашли ничего более умного, как сдать квартиру! Представляешь?! Все ценное – в кладовку, а в комнаты – квартирантов-туристов!

– А сами?

– А угадай с трех раз?!

– Неужели в Сиверскую?!!

– А куда ж еще?! А я-то думаю, что у мамы голос такой грустный, когда она мне звонила! А как не загрузить, если такое стадо с их кошками и собаками привалило на постоянное место жительства!

– Да... А тебе, что, сообщить слабо было?

– Так боялись! Вот приехала сейчас, письмишко получила у квартирантов. Дескать, прости, сестрица, выхода нет! Приезжай в деревню, ждем – не дождемся, любим, целуем! А мне сейчас как раз только и ехать туда, если мне каждый день надо на работу!

Рита Калинина трудилась в крупной туристической компании, специалисты которой еще до кризиса взялись за реализацию нового проекта, обещавшего в недалеком будущем хорошую прибыль. В живописном диком уголке природы на Карельском перешейке строился огромный спорткомплекс с отелем, полями для гольфа, лыжными трассами и даже со своими лошадами. Работы был воз и тележка. И стройка не остановилась, несмотря на кризис, так как подготовка была хорошей, и финансовые потоки в проект были организованы грамотно. Благодаря Ритуське, в том числе. И сейчас у нее было ровно два дня на отдых, а потом снова надо было впрягаться в воз, или в тележку, и пахать.

– Что думаешь делать? – озабоченно спросила подругу Настя.

– А что делать? Сейчас поеду в Сиверскую, вставлю там всем по первое число, а с понедельника в работу.

– А жить будешь где? В Сиверской?

– Посмотрю расписание электричек, посчитаю все, как буду успевать... Но другого выхода нет.

– Есть! Оставайся у меня! Рит, ну, правда, прошу тебя! Мне так нужно это! Знаешь, Никитос ведь опять...

– Да ты что???

– Вот тебе «и что»! Так что я только рада буду, что ты у меня будешь жить. Мне хоть отдушина от всего. А может, и ему стыдно станет. Хотя... Я уже в это не верю... Ну, что, остаешься?

– Насть, да я с радостью! Очень мне тяжело из деревни мотаться в Питер. Лишь бы тебя не стеснить.

– Не стеснишь!

Настя поставила перед Ритой на стол тарелку с борщом. Себе налила чаю.

– Знаешь, Рит, даже есть не могу, и не хочу. Ну, ведь должен человек понимать, что сейчас так сложно все. Я без зарплаты на основной работе – все ждем! На второй хоть и платят, но ты ж понимаешь: уборщица – это уборщица. Устала я, Ритусь. Думала, Ник хоть куда-то устроится, а он... И долги. Хоть и меньше, чем у твоих братьев-акробатъев, но меня они уже пугают. И банк трясет, как грушу. То звонки, то письма. А он опять в запой уходит. И где деньги берет?! Говорит, все угощают. А я в это уже отказываюсь верить. За красивые глаза, что ли?

В комнате загремело, и, цветисто выругавшись, Никита Волков появился на пороге кухни собственной персоной. Туманно посмотрел на жену, на гостью, помахал лапой перед носом. Словно видение отпугивал, икнул и выдал:

– Здрасссти!

– «Здрасти!»! Ты б не позорился, а?! – укоризненно сказала ему Настя, намекая на то, что супруг выполз в кухню в трусах и в старой рубашке, на которой не хватало пуговиц.

– И что?! – возмущенно вопрошал муж. – И кого я стесняться должен?! И... и идите вы все в...

– Еще слово, и я тебя выгоню! Уйди с глаз моих долой... Враг народа!

Никита еще малость покуражился, но женщины на него внимания не обращали, и тогда он хмыкнул, выражая дамам свое презрение, завалился в туалет, стукнувшись при этом больно коленкой о дверь, которую не в силах был закрыть. Там он пожурчал в полной темноте, выполз, и, громко икнув, удалился досыпать.

– Вот так, видела? Рит, и я совсем не знаю, что с этим делать?! А самое страшное – если он в прошлый раз согласился на врачебное вмешательство, то сейчас пальцы гнет и кочевряжится, мол, нет – и точка! Да и денег нет. Я вообще не знаю, как сейчас живу.

Рита отодвинула пустую тарелку, встала из-за стола, вышла в прихожую. Там она пошуршала в сумочке и принесла деньги.

– Вот! Бери! А на днях я еще получу.

– С ума сошла?! Я разве для этого сказала? Убери!

– Настен, ты же меня позвала жить к себе? Ну, все равно я б не стала так просто. Ну, продукты надо покупать, а тебе еще и за квартиру платить. Поэтому бери и не разговаривай. Позже еще дам. Бери-бери! – Рита подтолкнула подругу, видя ее нерешительность.

– Ритка... Рит, у меня слов нет! Можно я заплачу за садик и отдам деньги на подарок Ваське? А то так стыдно.

– Ты не спрашивай! Делай, что нужно. А с Ником... С Ником мы что-нибудь придумаем.

– Пока что он придумывает! Ты только, пожалуйста, не оставляй кошелек в сумке в прихожей. Он так научился добывать деньги, что не успеешь оглянуться, как он вытащит.

Днем Насте позвонил Иван Иванович. Голос у завлаба Старикова был такой, что у Насти внутри все сжалось. Как будто на сто лет состарился ее любимый Иваныч. Раньше бы он, дозволившись Насте, непременно принялся шутить по поводу и без. А тут одна усталость в голосе, и озабоченность.

– Насть, мне твоя помощь нужна.

– Всегда пожалуйста, Иван Иваныч! Вы же меня знаете: для вас – все, что попросите!

– Не спеши, Насть. Дело такое. Отнимают у нас бассейн, который под кои занят.

– Как??? Кому это он понадобился-то???

– Распоряжение Свицерского. Отдает здание в аренду, весь пятый корпус. Надо рыб забирать, а мне столько аквариумов не поставить дома. Вот просить тебя хочу: если можно, возьми один аквариум. Причем, тот, в котором малыши.

– Иван Иваныч, конечно, возьму! Куда же их? Не в канализацию же! Только, как привезти?!

– Это пусть вас не беспокоит. Вы воду только заготовьте, и место, куда можно будет аквариум поставить, а я привезу все сам. Если можно – завтра.

«Дело-дрянь, коль такая спешка», – печально подумала Настя, а вслух сказала:

– Привозите завтра, воду приготовлю, буду ждать...

Машина с аквариумом и емкости с рыбами прибыли к обеду следующего дня. Иван Иванович помог Насте все сделать в доме для японских карпов. Запустили в огромный аквариум двенадцать подростков-карпят. Они кружились веселой цветной стайкой, осваивая новое место жительства.

– Буду теперь релаксировать возле аквариума! – радостно сказала Настя, постукивая ногтем по стеклу, подзывая рыбок. – Надо срочно колокольчик завести для них.

Рыбки у них приучены были на звон колокольчика приплывать. И маленькие уже почти освоили этот аттракцион.

– А Васька как рад будет! – улыбнулась Настя.

Мелькнула, правда, мысль, что взрослые кои выглядят весьма солидно и в аквариуме им будет тесно, а значит, скоро придется придумывать, где и как размещать рыб.

– Ну, что там у нас, Иван Иванович? – устало спросила Настя своего любимого завлаба, когда, закончив все дела по устройству жилплощади для кои, они отправились пить чай.

– А ничего хорошего, Настена! Ни-че-го! Про деньги – молчат, вернее, сроки передвигают каждые две недели. Помещения сдают, чуть не под картошку! Мне нечего тебе, Настя, больше сказать, кроме одного: устраивайся на работу, а там, уж как вывезет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.